

Прошедшее ты ощущаешь кожей.
Оно с тобой, оно всегда с тобой.
Здесь даже детство не погасло.

Илья Сельвинский

Наконец-то приехали, позади осталось долгое и мучительное четырёхдневное путешествие. Поезд как бы нехотя долго тащился сквозь бледно-жёлтые пески, останавливаясь на каждом полустанке. Даже ночь не спасала, в открытые окна влетал перегретый за день воздух с примесью трубного тепловозного дыма. Жара стояла такая, что казалось, всё кругом плавится. Только зыбучие пески в послышно плавленном воздухе волнами тянулись вдоль рельсов. На остановках тётки подходили к окнам вагона и, подняв молитвенно руки, предлагали то лепёшки, то фрукты. На грязных руках островками белели ногти. Малец лет пяти увязался за своей матерью и, плача, грязным кулачком размазывал по лицу слёзы. В стороне стояли несколько верблюдов, они лениво жевали и посматривали на вагон, скомканная шерсть ключьями свисала с боков. Вагон был забит до отказа и гудел разноголосьем.

Возле небольшого здания вокзальчика, когда-то выкрашенного в ярко-жёлтый цвет, крутился на велосипеде парнишка лет десяти в длинных, ниже колен, сатиновых трусах. Загорелое до черноты тело было в ссадинах. Засмотревшись на люд, вышедший из вагонов поразмять ноги, он своей чернявой головой ткнулся в большой живот дежурного по вокзалу. Сбитая с головы форменная фуражка покатила по грязному асфальту. Дежурный зло выругался и какое-то время стоял и размышлял, врезать по голове этому сорванцу или идти за фуражкой. Ему было крайне неудобно перед пассажирами, и он, краснея и отдуваясь, пошёл за фуражкой, частя ногами. Воспользовавшись этим, чумазый паренёк вскочил на велосипед, что есть силы крутанул педали и исчез за углом вокзала.

Душанбе. Состав несколько раз кон-

Александр АБДУЛАЕВ
г. Чайковский, Пермский край

вульсивно дёрнулся и остановился, перезваниваясь стальными вагонными буферами. В мутноватое окно можно было увидеть перрон, затянутый в асфальт, выжженный безжалостным азиатским солнцем. Грязные голуби подбирали с него крошки хлеба, разбросанные чьей-то заботливой рукой. На оконных карнизах серыми взлохмаченными комочками сидели вокзальные воробьи. Невыспавшийся толстый проводник с припухлыми глазами и лоснившимся круглым лицом шёл по проходу, вытирая своё лицо рукавом цветной рубашки. В долгой дороге он втихаря приторговывал убойной афганской травкой, и из его купе расплзался по вагону сладковатый запах ананаса. Проводник неторопливо дошёл до двери и открыл её, впуская утреннюю прохладу в тамбур. Грязной тряпкой взмахнул несколько раз по поручням, сметая сажу и пыль. Пассажиры торопились и на выходе толкали друг друга сумками, пытаясь как можно скорее оказаться вне вагонных воспоминаний. Высокая женщина с надменным лицом и перманентом на голове, крепко держа в обеих руках по сумке, громко и некрасиво растягивала губы и, никого не стесняясь, ругалась:

— Не могут по-человечески всё организовать: воды питьевой нет, туалет не работает, понасадил тут левых пассажиров! — Она не успокаивалась и, поставив сумки на асфальт, пошла вперёд на проводника. — У, чёрт тебя подери, вот жалобу подам твоему начальству, может, и уволит! — Вдруг осеклась, понимая, что никому она не интересна, на прощание тряхнув головой, подхватив сумки, быстро пошла в здание железнодорожного вокзала.

Проводник проводил её беззлобным взглядом, только блеснул золотыми коронками зубов:

— Э-э, зачем жаловаться? Такой красивый женщин, а кричит. Совсем нехорошо, что могут люди подумать! — Сделал равнодушно-сонное лицо и прикрыл глаза, находясь в царстве сладости от недавно выкуренной сигареты с плотной набивкой ананаса.

Пассажиры поезда, обтекая вокзал с двух сторон, растворялись в людской колготне.

Гражданская война в Таджикистане, начавшаяся в начале девяностых годов прошлого столетия, была жестокой и кровавой. Тогда

власть делили между собой старая гвардия коммунистов и исламисты. Был замешан и афганский полевой командир Ахмад Шах Масуд, таджик по национальности, контролировавший большую часть границы. Интерес у него был не только политический. Восток — дело тонкое, замешано многое на интригах, хитросплетениях, порой не поддающихся здравой логике.

Зелёный и приветливый когда-то Душанбе по несколько раз переходил из рук в руки, на улицах стали появляться афганские моджахеды с «калашами» в руках. Они мало говорили, а больше стреляли. Слышны были автоматные очереди по ночам. Сначала выстрелы потрескивали в одной части города, потом перемещались ближе к центру столицы, где разгорался настоящий бой. Иногда были видны следы трассирующих пуль, распарывающих ночное небо. Жители поплотней закрывали свои двери на засовы и болезненно прислушивались к обманной тишине хрупкой ночи. Возникли перебои с поставками продовольствия. Хлеб в город завозили по ночам, в сопровождении бронетранспортёров 201-й российской дивизии. Пока хлеб разгружался в магазине, пулёмёт бронетранспортёра оживал и водил своим стволом по улице, готовый в любое мгновение выплеснуть из себя огненный шлейф смерти.

На всю жизнь запомнился мне отец, стоявший одиноко, с растерянными глазами, среди толпы, сбившейся на привокзальной площади в ожидании троллейбуса. Он пристально всматривался в лица приезжих. На нём был надет сероватый пиджак в крапинку, ноги обуты в начищенные до блеска сапоги, голову покрывала обыкновенная фуражка, в такой же можно встретить где-нибудь на Тамбовщине кондового мужика. Под пиджаком угадывалась зелёная офицерская рубашка. Отец всегда любил носить что-то военное из одежды, возможно, его это дисциплинировало и не давало расслабиться. Сказывалась семилетняя армейская служба.

Я только потом узнал, что он в семнадцать лет хотел попасть на войну, но по возрасту не подходил и был отправлен служить в Закавказье. Там и в сопредельном Иране стояли три наши армии, полностью укомплектованные и

готовые перейти границу по первому приказу. Сталин во время войны с немцами ожидал нападения со стороны Турции, она была вообще-то союзницей нацистов. Потом планы у Сталина поменялись, уже ближе к концу войны мы хотели зайти на её территорию и образовать свой анклав по советскому типу, переименовать Стамбул в город Царьград. Хорошо, что не зашли, ни к чему насаждать то, что не приживается. Горький исторический опыт порой нас ничему не учит.

Отец стоял и вертел головой по сторонам, немного вытянув шею. Мягко тормознул троллейбус, и народ быстро вошёл в салон. Людей осталось совсем немного: две пожилые таджички и молодой светловолосый человек с рюкзаком за спиной. Отец подходил ко мне, сердце моё учащённо забилось, словно хотело вылететь из груди, ему там стало тесно. В горле образовался сухой спазм.

— Сашка, это ты? — спросил он, голос у него нервно задрожал.

Я вздрогнул, будто во мне сидела маленькая пружинка и её освободили. Внимательно посмотрел на своего отца, которого видел только на фотографиях. На них он всегда был строг и сосредоточен, черты лица были неподвижны. Он был похож на меня, точнее я на него. Правда, я был на целую голову выше отца: акселерация, и ничего тут не попишешь. Без слов он протянул ко мне свои руки. Меня никто так не прижимал сильно, как тогда. По моей шее текли его слёзы, он отодвинулся, и я увидел его заплаканное лицо.

— Что-то расстроился, ты уж извини, — взволнованный, со стоящими слезами в глазах, полез рукой в карман пиджака и, достав платочек, вытер им лицо.

В покрывале сероватого неба угадывалось, что грядущий день будет жарким. Из-за поворота выскочил и вскоре притормозил возле нас старенький, с помятыми боками и абсолютно лысой резиной, ижевский «москвичонок». На зелёном борту красовалась надпись «Милиция». Дверца натужно скрипнула, и показалась немного взлохмаченная голова водителя. Оценивающим взглядом он окинул нас с ног до головы и хрипловатым голосом сказал:

— Шариф, поедем скорее, нам надо ещё заехать

в отделение, отметить. Сына встретил, а всё волновался: приедет, не приедет. Вот видишь, приехал, и молодец, посмотрит, что в Азии тоже люди живут, а не верблюды.

Водитель оказался словоохотливый и всю дорогу рассказывал, как после службы остался в Душанбе. Не обращая внимания на дорожные выбоины и не сбавляя скорости, он гнал, выжимая остатки сил из своего «москвичонка», прямо по улицам. Каскадер! Город начал просыпаться, и улицы, ещё затянутые ночной прохладой, заполнялись людьми. Из подъезда вышел человек в белой панаме, он был задумчив и чуть не попал под колеса машины. Бумаги выпали из коричневого портфеля с большими замками, и он стал лихорадочно собирать их, осматриваясь по сторонам.

Сидеть сзади было неудобно, сверху давил потолок, ноги упирались коленями в спинку водителя. На очередной колдобине меня подбросило, и, находясь некоторое время в подвешенном состоянии, я понял несовершенство советского автопрома. Проехав через весь город, машина, скрипя своими сочленениями, резко завернула в узкий проулок, зажатый с двух сторон небольшими домиками за плотными заборами. В конце подъёма появился стеклянный магазинчик, в котором отсвечивалось утреннее солнце. За этой стекляшкой сразу же был дом отца. К нему вела через фруктовый сад бетонная дорожка. Стук садовой щеколды напугал небольшую серую птицу, которая неожиданно вспорхнула из-под ног и, часто махая крыльями, исчезла за шиферной крышей дома.

— Проходи, — сказал он, увидев, что я замешкался. — Не спрашиваю, на сколько ко мне приехал, но очень рад тебя видеть, — в его глазах светилась тихая радость от встречи со мной.

Мне хотелось прижаться к нему и рассказать, как было плохо без него. Тогда я сдерживал накатившиеся слёзы и горькое удушье в горле. Когда он умрёт, за магазином, вплотную к дому, построят мечеть, она тонкой свечкой будет возвышаться над городской окраиной. Мой сводный брат Коля, с которым мы встретились через много лет, рассказывал, что, когда муэдзин с верха построенной мечети зывал правоверных совершить молитву, собака отца начи-

нала выть, вытянув в небо свою узкую, похожую на лисью, морду.

Во дворе было прохладно. Сверху был слышен торопливый говор прохожих. Мы сидели на табуретках и молчали, не зная, что говорить, и отец, прервав безмолвие, сказал, будто спохватившись:

— Вот, совсем забыл, подожди, я сейчас вернусь. — Он быстро зашёл на веранду и вынес оттуда большую белую тарелку с зелёными яблоками. Им было тесно, они лежали на ней, грозя раскатиться по бетону. — Посиди пока здесь, на тебе яблоки, а я скоро приеду, надо в отделение съездить, — проговорив, он повернулся через левое плечо и торопливо пошёл к калитке.

За фруктовым садом, в ветках которого запутался хрупкий утренний воздух, слышалось, как стартёр мотора несколько раз надрывно взвизгнул, машина завелась и вскоре отъехала. Двор был затенён, тень накрывала его покрывалом сверху от виноградника, который густо тянулся по деревянной обрешётке. Высокая стена из серого камня возвышалась над двором. В дальнем углу приткнулась поштукатуренная кухня, её дверь была полуоткрыта, как бы приглашая туда зайти. Посередине двора торчала водопроводная труба, напоминающая вытянутую гусиную шею, из неё капала серебристая вода. Бесцельно побродив по двору, почувствовал, как ноги слегка подкашиваются: сказалось четырёхдневное путешествие на поезде.

Так я впервые встретился со своим отцом, и это воспоминание о нём осталось на всю жизнь. Пройдёт много времени, но я всегда буду ловить себя на мысли, как мне не хватало его.

Мысленно возвращаюсь в свой двор, где прошло моё детство, всегда тянет туда, где я для себя открыл мир новых красок и ощущений. Вырос и получил первый жизненный опыт, который ничем не заменить. В то время двор был воспитателем и сурово порицал виновников. Брошенного взгляда взрослого было достаточно, чтобы понять и осмыслить содеянное. Двор жил своей особенной жизнью, не подвластной никаким законам, а люди жили не только своим ритмом, но и дворовым. Не видимые глазом ниточки сплетались в

плотный клубок отношений, которые сохранятся на многие годы, и неожиданные встречи будут только освежать в памяти ранее происходящие события.

Деревянные дома, похожие друг на друга, тянулись вниз по улице, от городского музея до интерната. Во время летних дождей по этой дороге неслись грязные воды. Через дорогу стояла выложенная из белого кирпича пятая столовая. Летом из широко открытых окон второго этажа тянуло запахом свежей выпечки. Всё красочное и душевное, сохранившееся на всю жизнь, связано с протекающими событиями в замкнутом деревяшками дворе. Для нас это было окном в большой мир. Летом окна вторых этажей распахивались створками и напоминали руки, тянущиеся к солнцу. Дома, похожие на близнецов, неказистые, обмазанные снаружи цементным раствором, стояли прочно, вросли в землю монолитными фундаментами. На шиферной крыше сначала выросли две телевизионные антенны, потом возникли другие, и дом стал похож на пенёк, пустивший свои молодые побеги. Люди, переселившиеся в брусчатые дома из времянок и барачков, где и удобства во дворе, были рады этим переменам в своей жизни. Первоначально отношения складывались на общинных принципах, так как многие приехали на строительство гидростанции из посёлков и деревень и держались друг друга. Быстро выросли деревянные сарайки, где кудахтали, похрюкивала различная живность. Деревенские жители, переезжая в город, не забывали своего прежнего уклада и надеялись только на себя. Обзавелись огородами и вскоре понесли в вёдрах пупырчатые огурцы и налившись краснотой помидоры.

Вокруг домов росли ещё не окрепшие, ломкие яблони-дички, деревья садили всем двором. Слышалось:

— Иван, ты не забудь лопату.

Голос из-за угла ворчливо отвечал:

— Да сколько раз говорил, что не забуду.

Женщина в просторном платье несла ведро с водой, вода плескалась через край, обливая ей ноги. Мальцы путались под ногами, взрослые их не гнали, пусть помогают. Сам двор по краям был засажен тополями, которые со временем вытянулись корявыми своими наростами

и казались нам исполинами, где в раскидистой кроне запутывалось солнце. Зимой они были некрасивые, с торчащими руками-обрубками. Летом они царственно стояли в зелёном убранстве и разбрасывали белый и прозрачный пух, который разлетался по всему двору. Дворники по утрам ругались беззлобно, что «давно пора вырубить эту гадость, только один вред от дерева и никакой пользы».

Большое окно квартиры, смотрящее во двор, начинает только-только заливаться молочным светом; слышно, как внизу метёт дворник Михай. Лицо у него серое, хмурое. Щёки впалые, и на скулах щетинятся рыжеватые волосы. На голову по самые уши натянута белая кепка с длинным козырьком, из-под которого он смотрит на мир острыми небольшими глазками. Одет он в простую, навывпуск, рубаху. Брюки синего цвета широкие и подпоясаны бельевой веревкой. На ногах галоши на босу ногу. Метла у него особая, не такая, как у других дворников, большая, изготавливает он её сам. Водит ею, словно косарь на лугу. Взмах, и кучка листьев отлетает в сторону. Шаг вперёд, и снова листья летят, подчиняясь метле дворника. Бывало, его не было неделю-другую, тогда двор стоял замусоренный и неудобный. Оказывалось, что его отсутствие было связано с запоем. Потом он снова возвращался во двор и, стесняясь своего вида, приходил на работу раньше, когда двор ещё спал, и было слышно сквозь сон, как метла скребёт по выщербленному асфальту.

Зимой после сильных морозов начинал дуть северный ветер, принося снежные наряды. Кругом всё переметало снегом, и дома, залепленные, стояли в окружении горбатых сугробов, тогда по двору тонкими ручейками пробегали протоптанные дорожки. Иногда наметало так, что задувало окна первых этажей. По середине двора тремя рядами теснились деревянные сарайки. От времени и дождей они потемнели, а зимой оживали от радостного детского визга. Разбежавшись с самого верха такой сарайки, мы прыгали в снег вниз головой, в полёте ощущая себя птицей с широко расправленными крыльями. Потом ребята, стоявшие внизу, тащили нас за ноги из сугроба, и только белели голые ноги в наступающих сумерках.

Ночью дом наполнялся таинственными звуками. Слышалось за окном напористое завывание ветра, будто он просил открыть ему щёлочку фрамуги. На кухне под полом, где стояла небольшая печь, слышалась мышьяная возня. Кошка спрыгивала с кровати и кралась на мягких подушечках лап туда, откуда раздавался мышьяный писк. Весь дом от порывистого ветра постанывал, как престарелый дед. В подъезде деревянные ступени скрипели, казалось, кто-то идёт по ним, тяжело ступая.

Всю ночь ветер вьюжил и задувал в трубу, откуда несло холодом. Если выглянуть в тёмное окно, то можно было увидеть только белую мглу. Тепло от печки растаяло, и от пола и окон потянуло холодком. Хотелось отвернуться к стене и закрыть глаза, не просыпаясь до утра. Утром было непривычно тихо. Плеснув себе в лицо горсть холодной воды из-под крана, схватил с вешалки ещё не просохшее пальто, натянул на самые брови старую кроличью шапку, рванул дверь и оказался на улице. В нос ударил морозец, к полудню он наверняка сменится ясным днем. Снег лежал пушистый, словно кто-то всю ночь разбрасывал его по двору маленькими кусочками ваты.

— Тебе чего не спится? — спросил дядя Володя Шеломенцев, наш сосед из восьмой квартиры, заядлый рыбак. Он стоял в овчинном полушубке и прикуривал от спички папиросу «Беломорканал».

— Захотелось пораньше встать, на лыжах сходить в лес.

— Тогда молодец. — Забросил за плечо деревянный ящик с рыбацкими снастями, рукой подхватил пешню и пошёл, тяжело шагая в больших валенках, скрылся в темноте, оставив после себя запах табака и недавнего домашнего уюта.

Дядя Володя знал толк в рыбалке. У него всегда был набор блёсен и мормышек, которые он хранил в большой жестяной банке из-под халвы. Перед рыбалкой он тщательно готовил снасти: чистил иголкой свинцовую мормышкину исподнюю, по медной поверхности не забывал пройтись мелкой шкуркой. Леску предпочитал брать в магазине немецкую, тонкую, она как раз подходила для зимней рыбалки. Ящик, или, иначе, «сидуху», тоже знал, как

оборудовать. Она делилась на две части: одна, обитая цветной клеёнкой, — для рыбы, другая — для удочки и снастей. Мотыля всегда носил за пазухой. Как-то он принёс с рыбалки несколько шук, они, замороженные, лежали на полу стылыми поленьями. Самая большая, полотораметровая, лежала в стороне и смотрела зеленоватыми глазами, подёрнутыми морозной плёнкой.

В соседнем доме на первом этаже жил дед Зиновий, летом он всегда сидел на лавочке, приставленной к тополю, и курил едкий самосад, осматривая прохожих глазами с прищуром. Ноги неизменно были обуты в короткие, обрезанные по самые щиколотки старые валенки, которые он сам и подшивал дратвой. Жила с ним женщина, сухая, с тёмным и мелким лицом, изрезанным множеством морщин. Губы всегда полураскрыты, она глубоко дышала, словно тяжело поднималась в гору. Было ей лет около пятидесяти, а может, и под шестьдесят. Заметив её, дед Зиновий встрепенулся и поправил картуз на голове.

— Куда ходила, мать?

Сима, так звали жену Зиновия, трянула старрой, с дырками, кошёлкой, в которой лежала буханка серого хлеба.

— Куда да куда, ишь, следовательно нашёлся, на кудыкину гору ходила. — Глазами пробежала по открытым окнам. — Спят люди, что ли, солнце уж давно проснулось, иль лень свою холят.

— Ладно, успокойся, тебе почто до людей? Живи своим умом да карманом, и никто не будет беспокоить.

Сима обиделась и поджала губки.

— Фу ты, ну ты, какая она обидчивая, чуть что — губки бантиком, ладно уж, иди домой, — раздосадованно махнул рукой Зиновий и полез в карман за кисетом с махоркой.

— Ну-ка, стой, сорванец, — схватил за рубаху пробегающего рядом Юрку, мальчишку лет шести. — Папка-то где у тебя? Спит, поди, леший забодай его! — Дед Зиновий нахмурил сурово брови.

Малец испуганно дёргал руку Зиновия, держащего его цепкими пальцами.

— Отпусти, ну уж отпусти, — вдруг заканючил он и разом выдул из носа зелёный пузырь.

— Сопли-то подбери, казак тоже мне нашёлся, — усмехнулся дед и выпустил мальчика из своей клешни. — Весь в папку, такой же нытик, чуть что — папашка-то твой на визг переходит, тоже мне колхозные.

Для деда Зиновия это слово было ругательным, сам-то он проживал в городке совсем недавно и считал себя за кондового жителя. Дед истлевал изнутри какой-то мучительной болью, которая терзала его, не давая покоя. Дед ходил по двору тяжело, с временными передышками, опираясь двумя руками на клюку. Таскал за собой разбитые этапами ноги, сколько он исходил — не мерено никем. Во дворе знали, что дед Зиновий сидел при Сталине, только за что — не знали. Когда мужики выпивали, его внезапно обуревала неиссякаемая злость. После первого стакана он задирился, становился драчливым, до хрипоты доказывая свою правоту, угрожающе махал своей клюкой, выструганной из кривого ствола вереска. Сима из темноты квартиры подглядывала за ним, и, как только во дворе разрасталась свара, она сразу же пулей вылетала из квартиры и, быстро неся своё худое тело, коршуном вцеплялась, как ей казалось, в обидчиков Зиновия. Жизнь у деда была такая же кривая, как и его клюка. Исчезли они из дома внезапно, ни с кем не прощаясь. Утром подъехала бортовая машина, двое рабочих в засаленных спецовках быстро покидали в кузов нехитрый скарб. Может, уехали к родственникам, а может, на новое место, поближе к теплу, греть старые кости. Не знаешь, как жизнь сложится на следующий день. Не надо никогда загадывать наперёд, неисповедимы пути...

Вовка Крылов, высокий, худощавый, в клетчатой рубахе, стоит внизу и кричит простуженным голосом:

— Санька, Санька, ты где? Рыбалка вся кончится, иди, поплавок уже давно утонул.

Я отзываюсь, и мой голос потерялся в глубоком и прозрачном небе. За спиной осталось большое поле, которое идет от обрыва реки до далёкого леса, чащоба которого тянется дальше за горизонт и сливается с небом. Полевые запахи, настоянные на цветах и разнотравье, кружат голову. Гвоздички, маленькие, с тонкими стебельками, смело тянутся кверху, не поддаваясь

шальным ветрам. Клевер луговой растёт ближе к дернине земляной, кустист, с упругими лиловыми головками. Полосатый шмель сердито пролетел мимо и внезапно спикировал на клевер. Смолка тоненькая, её розовый цвет притягивает взгляд, по соседству синее колокольчик. От такой земной красоты не хочется отводить своего взора. Только солнце, проделав свой дневной путь, спрячется за дальним лесом, как венчики колокольчиков притворятся до сероватого рассвета. Ближе к осени всё потемнеет, потеряет краски, пожухнет. Холодные дожди прибьют к земле разнотравье, и только будет ржаветь сухими ветками кустарник.

Бегу на голос сквозь упругие ветки и скатываюсь на спине по крутому склону, затянутому густой травой вперемежку с клевером и ромашкой, и оказываюсь возле реки. Солнце блестит на спокойной воде, отражаясь множеством серебряных блинчиков, пахнет прелой древесиной и речной зеленью. По берегу разбросаны брёвна, которые прибило волной. Удочка из бамбука лежит в воде, красного поплавка совсем не видно. На рыбалку мы готовились загодя, сходили на городскую свалку с её удушливым и тошнотворным запахом и набрали опарышей.

— Под ноги, под ноги поглядывай, — окрикает меня Вовка, и только сейчас увидел, как к самому берегу подошла небольшая стайка окуньков. Они стояли, слегка двигая плавниками, небольшие, в тёмных поперечных полосах. Осторожно, чтобы не спугнуть стайку, сделал шаг вперёд в тёмную речную глубину получше разглядеть этих маленьких хищников, как они в одно мгновение брызнули в разные стороны, немного замутив воду.

— Поймал, я-то думал, трусами будешь черпать воду, — радостно смеётся Вовка, и солнце отражается в его очках.

— Куда запропастился Славка? — Верчу головой и не вижу нашего третьего рыбака.

— Он ушёл за тот мысок, там краснопёрка в тёплой воде хорошо ловится. — Вовка рукой машет в сторону небольшого мыска, режущего спокойную камскую гладь.

Утопая ногами в прибрежном песке, тихо бреду в поисках Славки Шеломенцева, он такой же заядлый рыбак, как и его отец. Сначала

вижу его русую голову, затем загорелую до красноты спину. Он стоит по колено в воде, держа длинное удилище обеими руками.

— Как рыба? Клюёт? — Пытаюсь разговорить его, но он только неопределённо пожимает плечами.

Солнце сверху припекает голову, плечи, только ногам прохладно. Недалеко от берега на небольшом островке ажурно вытянулась вверх высоковольтная мачта. На нижнем портале примостились две вороны, цепко вглядываясь в воду, не всплывёт ли рыба. Мысок необузданно зарос мелким кустарником и высокой некошеной травой.

Первыми во дворе, кто купил велосипед, были Крыловы, глава семьи дядя Паша работал шофёром и приезжал во двор на своём грузовике. В терпеливом ожидании, когда он пообедаёт, мы топтались возле машины, вставая на широкие подножки и заглядывая внутрь кабины. Дядя Паша выходил из подъезда молодой, сильный, с зачёсанными волосами, оглядывал нас и спрашивал:

— Покататься хотите? Обратного не повезу. Если согласны, то вперёд.

Мы только этого и ждали. Катали нас на машине, и мы мягко тряслись на пружинных дерматиновых сиденьях, вытягивая вперёд головы, чтобы как-то разглядеть, что там впереди.

Велосипед купили Вовке. Весь двор катался на самодельных самокатах, высекая искры из асфальта. А тут такое! Это событие отозвалось толчеей возле велосипеда, был он коричневого цвета с кожаным сиденьем и багажником, блестящий насос крепился к раме.

— Дай покататься. — Просящие голоса разрезали воздух.

Хозяин велосипеда не жадничал, и вскоре выстроилась очередь любителей покататься. Мимо проходил старик, весь какой-то перекрученный, даже нос, нависший над пыльной клочковатой бородой, смотрел в сторону.

— А прокатиться не дадите? У меня такого не было в детстве, — в голосе угадывались просящие нотки. В уголках красных глаз скопилась неожиданная слеза.

— Да вы, наверное, только на лошади и умеете, — осмелился сказать Витька, паренёк лет

десяти в длинных синих трусах и майке-сетке.

Старик блеснул глазом на Витьку.

— Тягька-то у тебя дома? Потолковать мне надо с ним.

— Нету его дома, на работе он ещё, — вдруг обиделся он на старика, насупил белобрысое лицо и, сорвавшись с места, побежал домой, захлопнув за собой дверь подъезда.

Незаметно и тихо возникает бабка Ходыриха с первого этажа. На ней красное платье с вырезом, видно дряблую кожу в складках. Лицо опухшее, после сна. В руках она держит старый и дряхлый, потерявший цвет прикроватный коврик. Близоруко шурясь затянутыми плёнкой глазами, скользнула безразлично по толчее.

— И чего тут гомоните с самого утра? Лучше бы книжки читали, а не на велосипеде гоняли, только шум от вас, идите лучше на поляну, там просторнее.

Махнула рукой и исчезла, как будто её совсем не было.

Поляна — огромное пространство между пятой столовой и школой-интернатом. Посередине поле, утопанное ногами до бетонной прочности. Там разгорались футбольные баталии между соседними домами, доходившие до потасовок и грозившие открытым противостоянием между ними.

Дворовый уклад не сбивался многими годами. Летом из открытых окон тянуло кухонными запахами, на верёвках сушились различные постирушки. Двор пустел и обезлюдевал, только утром, ломая непривычную тишину, раздавался тонкий свист и сразу хлопанье голубиных крыльев из чердачного окна. К осени двор оживал и немного прерванный быт налаживался, и всё текло своим чередом.

Воспоминания так томительны и сладки, что хочется закрыть глаза и вновь окунуться в беззаботное детство. Вспомнить друзей, с которыми рос и постигал первые премудрости жизни. Помнится, после долгой разлуки с двором шёл ватными ногами по вспученному корнями тополей асфальту. Сердечное колотье отдавалось в висках, не давая сосредоточиться. Вглядываясь в лица людей, пытался поймать ушедшее время, так хотелось до боли в груди воспроизвести незабываемые краски детства.

Кама ещё не была перегорожена плотиной, речка Сайгатка извилисто бежала своими мутными водами среди пологих берегов, поросших кустарником. Немного дальше за ней зеленела гладь заливных лугов. Вода в нескольких местах пузырилась, образуя воронки. Чувствуя свою скованность, она пыталась как можно скорее встретиться с Камой и нести свои воды вниз по течению. Если встать и смотреть на речку Сайгатку с откоса, заросшего сосняком, то по правую руку можно было увидеть, как, скручиваясь, зеленел горох. Маленький пастушок в рваной соломенной шляпе стоял, опёршись на сучковатую палку. Увидев нас, он рукой застился от встречного солнца и пристально, не отрывая взгляда, рассматривал нас. Потом повернулся в сторону, где паслось его небольшое стадо, которое пыталось зайти в горох. Он свистнул, и недалеко лежащая собака с пятнистой шерстью вскочила и, заливаясь беззлобным лаем, побежала к стаду. Одно ухо закрывало ей глаз, и она изредка встряхивала головой, словно пытаясь отогнать назойливого паута¹.

По левую руку растянулось поле сахарной свёклы. Дальше взгляд упирается в стоящий плотной стеной лес, неведь где кончавшийся, он щетинился своими ветками, скрывая чуть заметную тропинку, которая, петляя, уползала вверх и скрывалась в лесной чащобе. Туда путь нам был заказан, взрослые пугали нечистой силой, живущей в нём, но всё равно тянуло туда. Зайдя в тёмный лес, озираясь на поваленный бурелом, заросший мягким мхом, мы боязливо проходили дальше вглубь и бежали потом обратно с испуганными лицами.

Пацаны, стоя на берегу, бросали в омут палки, которые находили тут же. Немного выше по течению Сайгатка была спокойней, и они друг за другом потянулись туда. Скинув с себя уже не нужную одежонку, остались в одних трусах, висевших тряпицей на худеньких тельцах, с разбегу бросились в речку вниз головой. Брызги, поднятые вверх, образовывали небольшую радугу, которая висела в воздухе над их головами разноцветным ореолом. По бере-

¹ Паут (*обл.*) — овод.

гу брёл мужичок, не разбирая дороги, в одной руке он держал удочку с загнутым концом, в другой — небольшой сидор² с харчем. На лысоватой голове прилепилась белая фуражка, и казалось, что она совершенно случайно оказалась там. Сероватая, в большую клетку рубаха была выпущена поверх брюк, которые выдают как спецодежду на стройке. На ногах сидели разбитые чёрные сандалеты со стёртой на правой ноге подошвой. Увидев купающихся ребят, он осклабился, показывая прокуренные передние зубы:

— Нашли, где себе купаться, тоже мне, или другого места нетути, — проворчал он, сердито поводя белёсыми бровями и для убедительности своих слов несколько раз махнул удочкой. Лицо его стало при этом совсем по-детски плаксивым, выпирающие скулы заиграли. — Ну-ка, брысь отсель, я кому говорю! — Он бросил на траву свой сидор, присел рядом на корточке и, не унимаясь: — Только вчера тут буханку хлеба на прикорм извёл, кому сказал, брысь отсель. Последний раз говорю, — размахисто махнул удочкой, пытаясь кончиком хлестануть кого-нибудь из ребят по голому плечу.

Пацаны своими коричневыми телами брызнули водой и поплыли вниз по течению. Холодная вода сначала обожгла, потом стянула судорожным жгутом мою ногу, она не хотела слушаться. Течение тянуло вниз, к самой воронке, тело не хотело подчиняться, и уже без всяких сил я отдался течению, влекущему к самому омуту, куда затягивался речной мусор. Зубы выбивали дрожь, застывшие губы никак не хотели выговаривать слова, которые были так необходимы в тот момент. С криком: «Сашка тонет!», не сбрасывая с себя одежду, прыгнул в воду, подняв брызги, Женька Мальшев, он был года на два постарше. Буквально взмахнув несколько раз по воде руками, он оказался возле меня. Я почувствовал, как Женька с силой тянет меня подальше от злополучной воронки. Возле самого берега чьи-то руки выхватили меня из воды, и я оказался на хорошо прогретой, пахнущей травой земле. Лёжа на спине, тряся от внутреннего страха, державшего меня цепким капканом. Глазами, полными слёз, смотрел на блёклое, выжжен-

ное солнцем небо и ловил губами солёные слёзы, которые неудержимо текли по щекам.

Родители наши разошлись, и в шестидесятом году наша мама привезла нас троих, меня и двух старших сестёр, в посёлок, где проживали строители гидроэлектростанции на Каме. Первое время наша семья нашла приют в Сайгатке, у семьи Мерзляковых. В память отчётливо врезалась неказистая времянка в два окна. Одно небольшое оконце выглядело на проезжую дорогу, которая тянулась к реке, откуда доносились звуки большой стройки, другое — в небольшой дворик, заросший невысокой травой, где в самом углу желтело несколько цветов. Дорога к котловану казалась длинной и терялась в самом конце улицы. Выбрасывая в воздух удушливый чад, по ней днём и ночью проезжали машины. Времянка подрагивала своим «телом» и успокаивалась до следующей большегрузной машины. Ночью комнатка освещалась фарами машин, а на противоположной стене висели часы-ходики, маятник неутомимо отсчитывал время, качался туда-сюда. Напротив, через дорогу, стояли дома, и были видны затянутые ситцевыми занавесками оконца с традиционными горшками герани. Грязноватые курицы важно ходили вдоль дороги, роясь в песке.

Хозяин дома, дядя Миша, невысок, худ, с выпирающими скулами на лице. Пиджак висел у него на плечах, и было видно, как торчали острые ключицы. На правой руке большим рубцом уродливо соединены два пальца. На мой любопытный вопрос: «Дядь Миш, а почему пальцы срослись?», он тогда только ухмыльнулся губами и ответил:

— Это я, Санька, в детстве мёд из банки пальцами доставал, вот они и срослись.

Убранство избы весьма бесхитростное: в центре стояла большая русская печь, ближе к окну примостился круглый стол, застеленный синей клеёнкой. Немного в стороне от печи стоял небольшой диван с врезанными в спинку помутневшими небольшими зеркалами. Дом смотрел на улицу двумя окнами, и между ними, в простенке, висела старая, увеличенная

² Сидор — вещевой мешок.

военная фотография дяди Миши. С неё он смотрел открытыми глазами, упрямый чуб птичьим крылом прикрывал правую бровь. Лицо напряжённое, глаза прищурены, видно, не отошёл ещё от горячки недавнего боя. Кочующий фронтовой фотограф, особо не мудрствуя, натянув меж тонких сосенок белую простыню, снял его. На груди два ордена Славы второй и третьей степени, потемневшая солдатская медаль «За отвагу» с немного потёртой тканью. Видно, что воевал он храбро.

Помню, как сидел на тёплой печи и просил его рассказать что-нибудь о войне. Дядя Миша тянулся рукой к столу, где лежала пачка с папиросами «Север», закуривал и, закашлявшись от крепкого табака, потом некоторое время молчал, ему было неприятно вспоминать войну. Но под моим напором он начинал вспоминать о том, как со своей пушкой бил прямой наводкой по немецким танкам, после каждого боя недосчитываясь своих боевых друзей. Так дядя Миша прошёл всю войну, пушки несколько раз меняли, из расчёта к концу войны в живых остался он один.

А ранение в руку он получил при следующих обстоятельствах. Воевали уже на германской территории, войска текли по дорогам сплошной рекой, все торопились, конец войны был уже близок. Они поотстали от своих и съехали с большой дороги, намереваясь пообедать. Расположились неплохо возле небольшого домика с хлебом, в котором никого не было. Хозяева сбежали, только услышав приближающийся грохот войны. Командир дивизиона, майор Хлопин, хозяйственно обошёл вокруг дома:

— Хорошо живут, ничего не скажешь, кругом всё чисто, поле вспахали и, наверное, что-то посадили. Ну да ладно, печь растапливать не будем, приготовим пищу на костре. Ты, Валежжанин, иди за дровами в тот лесок, — обратился он к сержанту.

Тот порывлся в вешах и достал оттуда топор, проверил пальцем острие и поспешно пошёл к небольшому хвойному леску.

— Мерзляков, а ты сходи в дом за посудой, хоть по-человечески отобедаем.

Сам майор снял португепю и присел на корточки, разглядывая муравьёв. Эти земные труженики перетаскивали сухие стебельки только

для них заметными тропками. Немного в стороне стояло боевое охранение. Солдаты были готовы дать знак об опасности. Майор присел на прогретую землю и хотел немного вздремнуть, когда послышался лязг гусениц. Он привстал и стал смотреть в сторону леса. Оттуда раздавался шум приближающихся машин.

— Может, свои, — промелькнула мысль.

Подминная кустарник и наматывая его на гусеницы, появились два танка. Солнце било, как назло, в самые глаза. Приложив руку козырьком к глазам, майор увидел, как, вскидывая вперёд ноги, бежит Валежжанин, нелепо размахивая руками и что-то крича. До танков было примерно метров восемьсот, да точно и нельзя было определить, потому что в глаза било солнце. Из дома вышел Мерзляков, важно неся перед собой стопку обеденной посуды, он даже успел передник надеть. Майор замахал ему рукой и одними губами, будто их могут услышать фрицы, прошипел, сильно стиснув руку Мерзлякова:

— Хорошо, что ты пришёл, давай бегом, отцепляем пушку от машины. А где этот вечно сонный водила? Вытряхивай его из кабины, там, наверное, спит!

Вчетвером они сняли пушку с машины и стали её разворачивать стволом к танкам. Послышался шум подлетающего снаряда, падать на землю было уже поздно. Матерно ругаясь, они установили пушку, и Мерзляков побежал к машине, где в кузове лежали снарядные ящики. Рядом взорвавшийся снаряд обдал его тёплым сжатым воздухом, запахло серой. Подтащив ящик к краю кузова, он краешком глаза увидел, что дистанция между ними совсем маленькая. Он соскочил с высокого кузова, аж зубы чакнули, поволок ящик. Осколки веером прошли над его головой, по руке потекла липкая кровь. Не обращая внимания на боль, он волок ящик, передвигаясь по-пластунски. Навстречу к нему бежал, полусогнувшись, майор, лицо бледное, ни одной кровинки, задыхаясь, выдохнул из себя слова:

— Ну, давай быстрее, иначе немец нас гусеницами в землю вроеет!

Снаряды стали ложиться всё ближе и ближе. Казалось, ещё один выстрел танковой пушки, и всем каюк. Противотанковый снаряд с силой

вошёл на своё привычное место и через секунду вылетел из ствола пушки в сторону танка. Удачно попав в стык между башней и корпусом, он оторвал башню и откинул её на несколько метров. Танк покатился ещё немного и встал.

— Разворачивай пушку правее, там ещё один зверь вылазит! — послышалась команда майора.

Вчетвером, с красными от натуги лицами, они развернули пушку правее, где виднелся танк, обходивший их стороной.

— Ну, не подведи, Мерзляков, подобьёшь этого гада — орден за мной!

От напряжения у Мерзлякова зачесался глаз:

— Впервой, что ли, товарищ командир, знаешь своё дело, нам не привыкать.

Он приник к панораме и стал наводить оружие по ориентиру, углу сарая, откуда должен был появиться танк. Снаряд попал в гусеницу, и танк остановился, поливая всё пулемётным огнём.

— Ну, братец, тебе сейчас будет капут!

Руки Мерзлякова мелко дрожали, нет, от страха: в азарте боя он исчезал, возникало нетерпение. Он был уверен в себе и в своей пушке, она никогда его не подводила. Ещё одно мгновение, и снаряд пробил броню, верхний люк откинулся, и появилась светлая голова танкиста. Майор поднял автомат и навскидку выпустил длинную очередь, не жалея патронов. Танкист как-то удивленно посмотрел на них и перекинулся верхней частью тела на огонь, уже лизавший броню. Светлые волосы прилипли ко лбу, длинные руки, торчащие из рукавов, тянулись к земле, прося принять его, убитого.

Дальше, за лесом, раздавались грохот и скрежет. Ветер принёс запах гари. По дороге в западном направлении двигалась реактивная артиллерия с зачехлёнными установками. Водитель, проезжая, приветливо помахал рукой, и колонна исчезла за небольшим холмом, оставив после себя приторный запах сгоревшего бензина.

Геройский солдат Михаил Мерзляков после войны был потихоньку забыт, как и многие другие, стал выпивать, сгрудившись с такими же возле небольшого подслеповатого магазинчика, прозванного в народе «Зелёный змий». Рабочей специальности у него не было, не ус-

пел до войны поучиться. Какое-то время слесарил в бане в Основном посёлке. Тогда, в шестидесятых, по всей стране с привокзальных площадей волной смело калек и попрошайек. Куда их подевали и в каком земном пристанище они обрели свой покой, солдаты Победы?

Потом наша семья переехала в деревянный дом, где жило много солдат Большой войны. Рядом с нашей квартирой проживала семья Кузнецовых, глава семьи, Захар, вернулся с войны офицером, вся грудь в орденах.

Однажды, перед самым концом войны, очередная атака его полка захлебнулась, и раненых свозили на дно балки, поросшей мелким кустарником. Они лежали и ждали своей очереди, когда их осмотрит фельдшер. Туман, словно парное молоко, поглотил кустарник, людей, лошадей, всхрапывающих от близко разрывающихся снарядов. Пахло дымом, соляркой и близкой смертью. Кто-то стонал, просил пить.

Захар проходил мимо пожилого солдата, которого принесли два санитары, и почувствовал его взгляд на себе. Солдат лежал, держась одной рукой за живот, и постанывал от боли. Сквозь пальцы текла кровь, кровью была пропитана гимнастерка, порванная на груди. Бескровные губы были сжаты. Солдат сделал беспомощный жест, рукой подзывая Захара подойти поближе.

— Слышь, браток, останусь живым? — выдохнул он из себя заранее приготовленный вопрос.

— Надо посмотреть, что с тобой, — Захар нагнулся, освобождая живот. — Ну, где тебя так разворотило?

Солдат только прикрыл запорошенные песком глаза. Отняв руку раненого, Захар увидел ярко-красные кишки, они вылезали из разорванного живота.

— Потерпи немного, я сейчас санитары позову, — Захар поднялся и стал всматриваться в туман. Люди ходили в нём призраками.

— Санитар! Кто видел санитары, пусть подойдёт сюда! — негромко позвал он.

— Звали? — из тумана появилась женщина с усталым лицом.

— Здесь тяжелораненый, нужна помощь, — рукой он показал на лежащего солдата.

Санитарка бросила взгляд на осунувшееся серое лицо. Посмотрела на Захара.

— Ему уже никто не поможет, до утра, наверное, не дотянет. Пойду, работы очень много, опять привезли раненых, свалили там, дальше, — вздохнула санитарка, неопределённо махнула рукой и исчезла в пелене тумана.

Однажды Валера, средний сын Захара, открыл верхний ящик комода, на котором стоял телевизор «Рубин», и оттуда выкатились ордена. Мои глаза выхватили орден Красной Звезды, его лучи немного потемнели от времени. Мне так хотелось подержать его в руке, что я непроизвольно протянул руку. Валера потёр орден краем футболки и осторожно дал мне, предупредив:

— На, держи, только не урони, он и так раненый.

Я пригляделся и увидел, что, действительно, на одном из лучиков имелся небольшой скол.

— Может, в него пуля попала и спасла твоему отцу жизнь? — спросил я в надежде, что он подтвердит мою догадку.

Валера неопределённо пожал плечами. Мне тогда показалось, что этот орден имеет магическую силу. Крепко сжав его в руке, я чувствовал, как от него исходит тепло. В моём детском воображении орден походил на далекую звёздочку в тёмном провале ночной бездны.

На первом этаже в четвертой квартире жила семья Путиловых. Пётр воевал танкистом и однажды летним вечером, сидя на лавочке возле подъезда, стал нам рассказывать о войне.

— Это был, наверное, сорок второй год. Нас, два танка, придали стрелковому батальону, который должен был провести разведку боем. А знаете, что это такое? — Судя по тому, какой задал вопрос, он сам возвращал себя в то жаркое лето. Мы сидели, затаив дыхание, слышен был только тонкий посвист вечерней пичуги. — Бои шли тяжёлые, с потерями не считались, приказ был один: только вперёд и ни шагу назад. Всю ночь не сомкнул глаз. В голове всё пролетает, вспоминаешь и мирную довоенную жизнь, и войну. Перед боем мысленно со всеми родными попрощаешься. Тут скрывать нечего. Немец окопался в небольшой деревушке, от которой только чёрные трубы торчат. Разведка донесла, что противотанковых пу-

шек нет. Только забрезжил рассвет, мы десант себе на броню и айда на полном газу вперёд. Солдаты сзади бегут, стреляют. Немцы немного подождали, подпуская поближе, как дали из пулемётов. С брони всех сразу как ветром посдувало, а кто бежал за нами цепью, залегли в траве. Трава тогда стояла высокая, в пол-человеческого роста. — Мы смотрели на него и представляли его сидящим в шлеме за рычагами танка. — Дальше рассказывать? А то я смотрю, что-то приуныли, скворцы.

— Конечно, конечно, — сразу загалдели мы.

— Я выжал фрикцион, и танк, получив газу, побежал вправо по дороге. Солнце светило прямо в глаза, ничего не видно. Танк тряхнуло, и по броне застучал осколочный дождь. Оказывается, пушка замаскирована в скирду, вытянула свой хобот и целится прямо в меня. Ну, думаю, врётся, не возьмёшь меня просто так, нырнул в неглубокую ложбинку и по ней стал обходить пушкарей слева. Пока они стреляли по другому танку, я выскочил сбоку и стал давить прислугу, стоящую возле пушки. Проутюжил их так, что осталось только одно воспоминание от них. В стороне валяются немецкая каска, оторванная нога в сапоге. Немец лежит раздавленный, только пуговицы блестят. Тогда полроты положили солдат, а немец был выбит. — Он замолчал и запустил в голову руки, пригладил волосы. — Ладно, пора домой, — встал с лавочки и пошёл в подъезд, ссутулившись, держа в руке пачку папирос.

В День Победы солдаты выпивали за деревянным столиком, стоящим во дворе в окружении тополей. Каждый из них приносил из дома нехитрую закуску. Застолье начиналось сразу после полудня, когда солнце стояло в зените, и заканчивалось поздно, когда уже ночь ткала на небе своими звёздами сказочный узор. Выпив, они снова возвращались туда, на войну, в кровь и страх, непролазную грязь, переноса на себе ротные миномёты, наводя переправу через ледяную воду, стоя по пояс в обжигающей воде. Они наливали водку в гранёные стаканы, пили за себя, что остались в живых, за мёртвых, похороненных в чужой земле. Потом жалобно, на самой низкой ноте, разрывал воздух баян, звук теснился в замкнутом пространстве двора и стремился вырваться

вверх. Дом жил освещёнными окнами: терпеливо ждали, когда заскрипят подъездные ступени и солдаты возвратятся в свои квартиры. Окна постепенно гасли, и двор засыпал, окутанный ночной пеленой, только горел неярко свет в квартире на первом этаже, где одиноко жила пожилая женщина.

Жизнь Марии Степановны текла неспешно, своим, только ей известным, чередом. Большую часть своего времени она просиживала возле окна и безучастно разглядывала дворовую суету. Она знала каждого в лицо, и подноготная жильцов ей была известна. Мария Степановна была бессменным свидетелем крестин и похорон, и казалось, что появление на свет божий, как и прощание с ним, никак не обходится без невысокой, худой, с торчащими лопатками старушки. В День Победы Мария Степановна надевала своё праздничное платье из синей плотной ткани, подпоясывалась тонким и блестящим, из искусственной кожи, пояском и выходила во двор.

— Степановна, куда так вырядилась? — догоняет её мужской голос из открытого окна.

Это спрашивал хмельной дядя Фома, сидевший возле окна на кухне. Из окна торчала только верхушка головы с зачёсанными назад волосами. Во дворе его звали в основном Фома неверующий. Он мог по любому поводу вставить в разговор: «Да не может просто быть». Характера он был задиристого, и по пьянке ему иногда доставалось, после чего Фома сидел сиднем у себя дома. В его жизни выпито море вина. С каждым днём ему казалось, что жизнь курьерским паровозом мчится на всех парах куда-то вниз, а он стоит на последней платформе и пытается дёрнуть стоп-кран. Фоме от злости хотелось грызть землю, орать благим матом на весь белый свет. Только сегодня утром его поднял с постели сильный крик Ваньки Спелого. С улицы доносился его голос:

— Фома, выходи на улицу, третьим будешь, ждём тебя возле магазина. Рупь возьми, не забудь.

Фома, было, сначала откликнулся на призыв. Потом посмотрел на давно не белёный потолок, и в душе возникло оцепенение. Вырваться из пьяного радужного окружения и на-

чать, может быть, поздновато, трезвую жизнь. Фома налил большую кружку чая и сидел, рассматривая законную жизнь.

Не обращая внимания на окрик, Мария Степановна прошла по двору и присела на лавочку возле своего подъезда. Дверь сильно хлопнула и выпустила на свет божий Кольку Долгоносикова, девятиклассника и двоечника. Он бросил своё тело возле Марии Степановны и сначала покрутил перед собой кукиш.

— Вот им, гадам, вот! — Лицо его радостно светилось.

— Почто ты, чертёнок, ругаешься, да ещё фигу кажешь, убери сейчас же! — Колька почувствовал суровость слов Марии Степановны и потупился. — Вот так-то, надо старших слушаться, они тебя, нехристя, плохому не научат.

— А вы откуда знаете, что я некрещёный? — заинтересованно спросил Колька и кольнул соседку по подъезду глазами.

— Да вот знаю, чай на свете живу восьмой десяток лет. Батя у тебя атеист.

— Кто, кто? — не понял Колька и немного подался вперёд. — Зачем ругаться? — Лицо у него сразу преобразилось: брови сошлись на переносице птичьим крылом, нижняя губа отвисла, показывая ряд неровных зубов.

Мария Степановна потрепала его по непокорным вихрам и ласково притянула к себе.

— Ну, ты ещё совсем глупенький, это слово совсем не ругательное, вырастешь, потом и поймёшь.

Колька ткнулся носом в мягкую и обвислую грудь, и в носу защербил от нафталинового запаха.

— Эх, Коля, Коля, у меня сыночек был, как ты, даже глаза похожи. — Вздрогнув, она замолчала. Лицо посерело, складки на лице стали более контурнее и выразительнее, словно суховатое лицо было вспахано плугом времени.

Мария Степановна помнила отчетливо, до мелочей, начало войны. Ближе к полудню, когда солнце стояло над крышами домов и набрало жаркую силу, послышался натужный гул пока ещё не видимых самолётов. Они появились маленькими точками и пролетели немного в стороне от городка дальше на восток. Вскоре в небольшой районный городок волной нахлы-

нули беженцы. Мария Степановна вышла за калитку и всматривалась в людской поток. С ней поравнялся старик в старом потёртом пиджаке, под ним виднелась расшитая косоворотка. На голове натянута на самые уши серая в клеточку фуражка с мятым козырьком. Лицо усталое, с налётом дорожной пыли. Он тяжело тащил за собой небольшую повозку на резиновом ходу, в которой лежала девочка-подросток, её болезненные худые руки выпростались и лежали поверх серого одеяльца. Головка мерно качалась, подчиняясь движению повозки.

— Немец идёт. Война на пятки наступает, всё побросали и отступаем вместе с армией, — старик остановился возле Марии Степановны и тяжело вздохнул. — Попить не найдётся, добрые люди? — глухо попросил он воды.

— Стасик, принеси воды из колодца, — крикнула она в открытое окно дома. Из окна высунилось вихрастое и обожжённое июньским солнцем лицо.

— Сейчас, мам.

— Кто это, ваш сынок? — кивнул головой старик.

— Да, приехал после второго курса института погостить, — улыбнулась она и посмотрела на небо.

Распахнутое и белёсое небо было прозрачно. С окраин городка тянуло дымком, жгли продовольственные склады, чтобы ничего не оставлять врагу. Стас принёс полную стеклянную банку воды и, держа её двумя руками, протянул старику.

— Вот спасибо, добрые люди! — сказал он, вытирая сырой рот тыльной стороной кисти.

— Да вы возьмите с собой, в дороге пригодится.

Старик благодарно дрогнул лицом и потянул дальше свою повозку, растворяясь в людском потоке. Мария Степановна долго из-за калитки смотрела на беженцев, прижав руки к груди. Внутри под сердцем закипала тревога, чтобы срастись с ней навсегда. Люди устало тянулись нескончаемой рекой, принося с собой печаль близкой разлуки с сыном.

На следующее утро в их доме появился военкоматовский работник со злым и отёкшим от недосыпания лицом.

— Сергеевы здесь живут? — спросил он, постучав настойчиво в окно.

Мария Степановна, приоткрыв одну створку окна, смотрела на него тревожными глазами, зябко кутаясь в большой платок, накинутый на плечи.

— Получите повестку и распишитесь вот здесь, — ткнул заскоружлым пальцем в какую-то бумагу, которую Мария Степановна из-за встревоженного состояния не могла рассмотреть.

Буквы слились в одно большое чёрное пятно, и она держала листок бумаги дрожащими руками, боясь спросить у военкоматовского работника подробности.

— Когда сыну нужно прийти в военкомат? — зачем-то спросила она, хотя в повестке было написано время.

— Сборы через час, и не тяните, собирайте сына, — тяжело вздохнул и, не глядя в глаза Марии Степановне, пошёл походкой человека, несущего на своих плечах непосильный груз.

О сыне, пропавшем в октябре сорок первого года, Мария Степановна узнает только через двенадцать лет. Судьба сложилась у сына трагически, как и у миллионов солдат, попавших в первые месяцы войны в плен. Часть, в которой он служил, после боёв попала в окружение, командир полка от безысходности пустил себе пулю в лоб, таким образом подвёл черту под своей жизнью и судьбами сотен солдат. Рядовой Стас Сергеев после долгих и мучительных мытарств оказался в трудовом лагере во Франции, где до мая сорок пятого года долбил уголь в шахте. Потом, когда американцы передали пленных советским властям, получил семь лет лагерей. Только тогда и получила короткое письмецо от сына Мария Степановна, что жив.

Вернулся домой сразу после смерти Сталина. Постучал в квартиру тихо, еле слышно. Мария Степановна, увидев на пороге худого, со впалыми щеками сына, безмолвно, по-бабьи всплеснула руками, притянула к себе и что есть силы прижала и только потом дала волю слезам. Зашлась в тихом плаче, медленно стала опускаться на пол, и только худые плечи тряслись.

— Сынок, милый мой сынок, я всегда верила, что ты жив.

— Ну, не надо плакать, вставай, мам, не на-

до стоять на коленях, а то перед соседями неудобно, что они могут подумать. — От волнения Стаса всего лихорадило. На острых чахоточных скулах взбугрились желваки. Слёзы текли по худому, заросшему рыжеватой щетиной лицу.

После лагеря он недолго прожил, желтел лицом и таял свечкой с каждым днём. Изредка выходил в солнечный денёк посидеть на лавочке. Только в глазах были непроходящая тоска и печаль. Осенью он умер. В подъезд тенями промелькивали старушки в чёрных одеяниях. Из полуоткрытой двери несло запахом сгоревших свечей, было траурно и печально. После его смерти жизнь для Марии Степановны превратилась только в одну сплошную серую маету.

Кольку Долгоносикова призвали служить в восемьдесят четвёртом году. Двором проводили тихо, без шумного застолья. Мальцы, пробегающие небольшим табунком, с нескрываемой гордостью, будто они попали в десант, уважительно вглядывались в Кольку и уже за его спиной шептались: «Вот повезло Кольке, попал в крылатую гвардию, с парашютом будет прыгать». В параллелях натянутых бельевых верёвок стояли две женщины: одна в стоптанных туфлях и длинном, ниже колен, платье держала в руках эмалированный таз с белоснежной верхушкой выстиранного белья, другая с распущенными до плеч волосами, с ожерельем из прищепок на полной шее развешивала простыни.

— Смотри-ка, Колька будет служить в Прибалтике.

— Не согласна с тобой, Николаевна, сейчас такая ситуация, и не знаешь, куда пошлют парня служить. Вот моя знакомая, ты должна знать, Никишкина её фамилия, она работает в продмаге, проводила парня в армию, всё чинно, важно. Потом через полгода стали письма приходить, воюет в Афганистане сапёром. Совсем немного повоевал, ногу оторвало, дак она вся сразу поседела, в Ташкент к нему в госпиталь ездила.

Говорившая поискала глаза своей подруги, но та смотрела, повернув голову куда-то в сторону, в глубь двора.

— Вон, смотри, сам он идёт, — раздвинула

простыни и ткнула пальцем в сторону, где шёл Колька.

Двор был в зелёном одеянии. Тополя стояли мощно, исполинно, вцепившись корнями за плотную землю. Хозяйка со второго этажа настезь распахнула окна и мыла их, высунувшись наружу. Солнце играло на стёклах, разбрасывая светлых зайчиков на асфальт.

— Колька-то пошёл в отцовскую породу, такой же поджарый, на лице только один нос и торчит, — утвердительно проговорила женщина, которая держала таз с бельём. — Коль, а Коль, подойди к нам, поговорим хоть немного, — окликнула она.

Коля, погруженный в свои потаённые мысли, от неожиданности встрепенулся и остановился, всматриваясь в женщин.

— Некогда мне, надо ещё в Ольховку съездить к бабуле, она меня с самого утра поджидает, — махнул рукой и исчез в темноте подъездного проёма.

Появился через полгода в провинции Пактия в форме десантника. Афганистан встретил его жарой и стрельбой духов — так они приветствовали появление на их древней земле русского парня с Урала Кольки Долгоносикова. Командир взвода лейтенант Александр Прохоров только что прилетел из Союза и обжился на новом месте. Он запомнился своим огромным красным чемоданом, купленным у друга лейтенанта Тришкина, тому он достался по наследству от зятя, служившего в Германии. Прохоров глазами изучал солдат, построенных на плацу.

— Давно на войне? — спросил он, подойдя к Долгоносикову.

— Нет, недавно, товарищ лейтенант, около месяца.

Лейтенант прошёлся вдоль строя, солнце поблёскивало на его начищенных сапогах. Настроение было отличное, наконец-то попал на войну. Когда служил в Туркестанском военном округе, три раза писал рапорт — всё отказ.

— Кто завтра идёт со мной? Объясняю задачу: до места доставят вертолётом, а там километров пять надо будет идти по склону горы и спуститься на трассу для сопровождения колонны.

Он смотрел на солдат, они на него — изучаю-

ше: молодой лейтенант, ещё не обстрелянный, с ним можно и горя хватить, они все такие, пока по горам не набегаются. Потом начинают не только свою жизнь ценить, но и чужую, то есть их, солдатскую. Добровольцев нашлось семь человек.

— Хорошо, можно разойтись, завтра утром вылет.

Лейтенант повернулся через левое плечо, показав свою спину с пятнами пота, и пошёл в штабную палатку уточнить с лётчиками вылет.

— Коля, ну ты как, привык к жаре? Наш взводный, ишь какой гусь, пулям ещё не кланялся, — угрюмо съехидничал сержант Мухин. Лицо у него было красное, словно он недавно вышел из парной. — Закурить дай, — попросил он.

— Ты забыл, наверное, что я не курю.

Мухин раздосадованно махнул рукой и пошёл понуро в палатку, пиная носком сапога небольшой круглый камешек. Солнце висело как раз над ним, и красный диск испепелял всё кругом. Двое солдат несли флягу с водой на кухню, один из них запнулся, фляга опрокинулась, из широкой горловины вода полилась на землю. Вместе с матом из двери кухни показалась голова повара-узбека в белом колпаке, который был натянут по самые чёрные брови, он что-то кричал, грозя крепко сжатыми в кулак пальцами с белыми ногтями. Отведя узбекскую душу русским матом, понятным для всех народов, он исчез, напоследок мелькнув белоснежным колпаком. Солдаты-первогодки, получив бодрящую дозу словесного фонтана, продолжили свой путь к кухне, где их поджидал негостеприимный повар. На земле осталось небольшое тёмное пятно, которое вскоре исчезло, высушенное солнцем. Жажда мучила всех: и землю, и людей.

Вертолёт стоял на площадке из железобетонных плит, вокруг него суетился механик в мятой форме. Командир легко вышел из вертолёта и протянул руку лейтенанту Прохорову.

— Как настроение, лейтенант?

— Боевое, — ответил он.

— Тогда полетим, если так.

Переспросил, нет ли изменений в личном составе, чтобы внести корректировку в полётный лист. Десантники сидели вдоль борта, в салоне стоял такой гул от турбин, что уши сра-

зу наполнились плотной ватой. В иллюминатор виднелась серая земля с чахлыми небольшими кустами, ближе к горам трава зеленела, у самого подножия паслось несколько коз.

Колька Долгоносиков закрыл глаза и думал: «А почему на войне нет снов? Только засыпаешь, и в этом хрупком состоянии сразу проваливаешься в какую-то болезненно-обморочную впадину. Летишь долго, мимо пронесится череда лиц, некоторые сразу исчезают, другие вырастают до гигантских размеров». Но больше всего ему хотелось увидеть родной двор, своих друзей, с кем хаживали на рыбалку по утренней зорьке, когда вода на Сайгатском заливе ещё сонная, парная, туман окутывал рыбаков. Плеснётся рыба, только круги по воде расходятся в разные стороны. Солнце встанет из-за горизонта, его пока не видно, но вода окрашивается в слабо-розовый цвет, отражаясь от тёмного неба. На спокойной воде появляется мелкая рябь, свежий ветерок прилетел со створа реки, поздоровался с водой и улетел дальше по заливу. Ещё Колька хотел увидеть свою маму, её спокойное лицо, склонившееся к нему, и спросит она своим грудным голосом:

— Как дела у тебя, сынок?

Утром так не хочется просыпаться, потому что сразу наступает война. Колька вчера сквозь липучую дремоту слышал перестрелку, сначала сухую автоматную трескотню, затем заработал пулемёт, он стрелял длинными очередями так обстоятельно, как привык делать свою тяжёлую работу человек, рождённый на земле.

Десантники идут по склону горы. Узкая, еле заметная тропинка убегает из-под ног, все идут след в след, такая суровая армейская необходимость. Кругом каменная земля нашпигована итальянскими минами, пластмассовый корпус лежит неглубоко, и механизм настроен так, что могут пройти несколько человек, а сработает под одиноким путником. Идти тяжело, за спиной вещмешок с патронами и питанием на трое суток, автомат оттягивает плечо вниз. Каска на голове всё норовит съехать на глаза. Кое-где под ногами шуршит мелкий камень, он ускользает из-под ног и катится вниз, надо быть осторожным, чтобы не наступить и не скатиться на мелких камнях.

Штурмовой десантный полк, в котором слу-

жил Колька Долгоносиков, нёс потери среди личного состава и техники. Духи системно получали оружие через границу из Пакистана или Ирана. Каждую ночь уходили в горы десантники, чтобы там скрыться в темноте, слиться со скалами и перехватить караван.

— Подтянись, не отставать! — доносится сверху голос лейтенанта.

Отстал Гриша Полосков, он невысокого роста, шупловат, по лицу катятся большие капли пота. Ему действительно тяжело, автомат вечно сползает у него с плеча, он постоянно поддёргивает плечом вверх так, чтобы автомат не свалился. Тишина в горах обманчива, её могут в любое время разорвать выстрелы. Солдаты идут молча, экономя силы. Сержант Мухин остановился, чтобы перевести дыхание. Сверху до него долетел раздражённый и злой голос лейтенанта:

— Не останавливаться. Всем идти. Через полчаса привал!

«Может, лейтенант жалеет нас, на войне хочется остаться в живых», — подумал Долгоносиков.

— А наш командир, по-моему, стоящий мужик, — говорит Женька Кривошеев — пулемётчик. Ему тяжелее всех идти в гору, в руке держит за ручку пулемёт.

Снизу слышался звук разорвавшейся гранаты, эхо отозвалось дальше в горах. Наконец солдаты перевалили небольшой хребет и оказались на солнечной стороне горы. Огромное солнце стояло перед ними, слепя глаза. Внизу раскинулась буро-ржавая равнина с приплюснутыми глинобитными мазанками. Равнина тянулась до самого горизонта и сливалась с ним тонкой нитью. Возле кишлака змеилась пыльная дорога.

— Отдых, можно курить, — благодушно разрешает лейтенант, и все облегчённо вздыхают и валяются на каменистую землю.

— Колька! Долгоносиков! — кричит Женька Кривошеев. — Вода есть у тебя?

— А твоя фляжка где? — спрашивает Долгоносиков, он знает, что вода здесь в цене.

Женька настаивает:

— Ну дай, не фразерись, моя лежит в мешке, потом дам тебе напиток.

Колька встаёт и снимает фляжку с пояса, она приятно холодит руку.

— Держи и не жадничай.

Фляжка тяжело летит по воздуху и оказывается в руках Женьки. Он жадно пьёт, острый кадык выпирает из-под сероватой кожи. Движения его стали замедленными. Он повернул голову в сторону горы и медленно завалился на бок. Фляжка выпала из руки и покатила вниз, оставляя за собой тёмный след. Потом долетел звук выстрела.

— Мать твою так! — выругался лейтенант и навскидку стал стрелять по духу. На нём надеята советская камуфляжная форма. На время он исчезает, и пули начинают выщёлкивать свой смертельный напев уже справа.

— Всем за камни рассредоточиться, да быстрее! — Голос командира от волнения срывается.

Второй раз повторять не пришлось, побросав мешки с запасом провианта, солдаты попрятались за камни.

— Смотри, они нас обходят, — лейтенант с отчуждённым и белым лицом мотнул головой.

— Долгоносиков, за мной! — махнул рукой и, не оглядываясь, пополз вперёд, отгалкиваясь от камней ещё не избитыми новыми ботинками.

Небо над ними висело бездонно, издалека была видна маленькая точка вертолёта.

— Долгоносиков, ты где? Быстро ко мне ползи! — Лейтенант шипел, будто его могли услышать духи.

Сверху открывался вид на долину, по узкой дороге пылил конвой. Впереди с десанниками на броне шёл БТР, позади него образовывалась густая серая пыль, за ним тянулась длинная колонна автомобилей. Сверху конвой прикрывали три вертолёта. Тугой и упругий взрыв ударил Кольке прямо в лицо. Белый ком распался и поплыл в сторону. Колька оглох от взрыва. Рядом треснуло, и горы разродились хаосом дуэли. Пули злыми шмелями пролетели вверху, этих бояться не надо — шальные, вот если пуля чиркнет рядом, выбьет камешек из-под ног, тогда бойся, следующая будет твоя. Оглушённый от взрыва гранаты, Колька лежал неподвижно, смотрел только в небо. Пошевелил в обсохшем рту непослушным языком. Мысли вяло текли в голове, Колька погрузился в абсолютное безразличие. Ещё прогремел взрыв совсем рядом, до него доле-

тел упругий воздух. Потом возникли грязно-серые бороды. Они что-то говорили и тыкали пальцами в его сторону. Колька медленно щупает автомат, да, здесь, рядом, он чувствует его кончиками пальцев правой руки. Пальцы непослушные, не поддаются Колькиным командам. За ремень подтягивает автомат и, медленно поворачиваясь на левый бок, даёт длинную очередь, не жалея патронов. Грязно-серые бороды исчезают. Не слышно выстрелов, никого не видно, и Колька осознаёт, что он один. Сколько времени прошло, солнце по-прежнему висит огненным блином над ним. Колька, до сегодняшнего дня никого не убивший, почувствовал себя одиноким и беззащитным. Ему не было страшно, только в душе сидела, зацепившись, нудная тоска, она спряталась в животе и отдавала тянущим холодом. Один...

Колька забыл, что он не один. Рядом, в пяти метрах от него, лежит его командир, лейтенант Александр Прохоров. Он лежит, скрючившись, поджав под себя колени, уткнулся сырыми волосами в землю, лежит так, что кажется, будто он прилёт после тяжёлой работы немного отдохнуть. Рядом валяется автомат без рожка, рожок он держит в руке, не успел автомат перезарядить. Зелёная каска свалилась с головы и легла на новом ботинке. Тупая тишина. Только слышно, как в голове настойчиво звучат молоточки, тихо так, мелодично, по наковальне, дзинь-дзинь, дзинь-дзинь.

Колька медленно встаёт и ватными ногами идёт дальше, он плохо соображает, мысли где-то там, далеко, за кончик ему не ухватиться. Автомат тянется за брезентовый ремень и стучит о камни. Гриша Полосков лежит под камнем, спрятавшись там своим худым и маленьким телом, только ноги торчат. На спине бурели пятна. Колька глазами пошарил вокруг, надеясь увидеть автомат, до него медленно доходит, что его унесли бородатые духи. Раздаются приглушённые голоса, Колька поднимает автомат и ждёт, когда появится первый.

— Свои, не стреляй! — Возникает усталое и грязное лицо солдата. Он придиричливо оглядывает Кольку и свистит, тут же появляются ещё трое военных. — Ты один живой? — доносится до него голос издали и приглушённый ватой.

Колька только пожимает плечами, он не зна-

ет, что случилось с другими. Язык во рту большой и непослушный, не даёт сложиться словам. Колька только болезненно мычит.

— Контузило парня. — К нему подходит ближе немного сутуловатый, цыганистого вида военный.

Колька увидел на погоне четыре звёздочки — капитан. Он стоит усталый, но такой близкий и родной, что у Кольки запершило в горле.

— На, попей воды и посиди, пока мы тут не посмотрим, что случилось с вами. — Капитан протягивает свою фляжку с живительной водой, поворачивается и закрывает собой всё небо.

Скоро мне надо идти служить в Советскую армию. Об этом напомнила осень, она незаметно подкралась, кружа в воздухе жёлтыми тополиными листьями. Они летали в холодном воздухе, и один, подхваченный ветром, сморщенный лист прилип к кухонному окну. Он держался за один край и не поддавался ветру, который пытался оторвать его от стекла и унести в серый и волглый день. По небу тяжело плавали тучи, наполненные водой, и оно висело так низко, что задевало верхушки топей. Деревья стояли во дворе стыдливо голые. Перед окном на месте топтались две девочки. Одна повыше, в коротком плащике, из-под которого виднелись тонкие ноги в коричневых чулках, зябко втянула худую шею в воротник и безучастно смотрела холодными глазами на свою подружку. Синий вязаный берет нелепо был водружён на голове. Она его поправляла, не переставая что-то рассказывать, жестикую руками. Упругий ветер, набежавший из-за сараев, сдёрнул у неё с головы берет, и девочки побежали прямо по лужам, догоняя его.

В военкомате на втором этаже встретил суетливого прапорщика, которого я остановил и показал свой военный билет, он объяснил доходчиво, что команда обозначает службу во внутренних войсках.

Походил по коридору, разглядывая картинки с бравыми солдатами. Затем вышел на улицу и столкнулся с Вованом Кудриным, который стоял возле урны и курил, находился он тогда в глубокой задумчивости.

— Привет, Вован!

Он вздрогнул от неожиданности и лениво протянул узкую руку. На мизинце блеснуло колечко.

— Ты тоже в армию идёшь?

— Иду отбывать воинскую повинность, — горделиво подтвердил я. — Только почему на твоём лице радости не видно?

— А я не хочу в армию, зачем мне туда, я там никого не знаю, — осклабился Вован большими зубами.

Все мои знакомые и одноклассники были уже призваны, и мне задавали порой неприятные вопросы:

— Оставили до весны или по другим причинам не призвали?

На такие глупые вопросы я не отвечал и брёл дальше своей дорогой.

Видимо, имелась в виду отсрочка по состоянию здоровья. Ущербным себя не считал, и действительно хотелось идти служить в армию рабочих и крестьян.

Накануне встретил Сливу возле школы, он одиноко сидел на изломанной лавочке в небольшом парке, в котором когда-то устанавливали под барабанный стук и салют пионеров бюст первого космонавта Юрия Гагарина, и грустно смотрел по сторонам, разглядывая прохожих. Он никуда не торопился, мятую повестку носил уже две недели, показывая всем. При виде меня он обрадовался, как мне показалось.

Мы сидели с ним и трепались вообще-то ни о чём. Слива жил на Приморском бульваре в коммуналке на шесть хозяев. Когда мы захаживали к нему в гости и шли по длинному и тёмному коридору, то соседи недоверчиво окидывали нас взглядом из-за полуоткрытых дверей. Стукнув для порядка пару раз по двери, оказывались в маленькой комнатёнке с одним окном, выходящим на бульвар. Слива включал катушечный магнитофон «Днепр» на полную громкость, и мы предавались слушанию «битлов». Небольшая комнатёнка наполнялась музыкой до опасного предела, и через некоторое время соседи стучали кулаками по гипсокартонной перегородке. Пошарив у себя в столе, Слива доставал цветной журнал «Playboy» и давал смотреть его, не выпуская из рук. Судьба сложилась у него трагически.

После службы, уже оттянув армейскую ляжку, они с друзьями в пятничный день в парке отдыха расслаблялись возле «чёртова» колеса. Пили вермут непонятного разлива, а ночью к нему явилась без приглашения костлявая дама с косой. Кому как судьба своим почерком напишет прожить, у него получилось корявым. Советский народ весьма изобретателен, до непредсказуемости. Изредка советский социум употреблял средства, купленные в отделе хозяйственных товаров, совсем не по назначению. Когда чувствовался перебой с водкой, а для некоторых водка это было всё, Вселенная и даже больше, тогда тянулись незримо эстеты с помятыми фейсами в магазин хозяйственных товаров на улице Карла Маркса. Нитхинол, напиток для избранных, вкус которых не испорчен хорошим и дорогим вином. Жидкость синего цвета; после неё наступал полный «сюр». Воспалённое и горящее синим пламенем сознание в тот момент не могло отличить игры на балалайке от дёрганья струн на сямисэне, это такой народный японский щипковый инструмент с тремя струнами. Бедность не всегда являлась пороком, находились такие, которые делали из этого порока определённую выгоду. Выпивка всегда шла в ногу с развитием химической промышленности. Народ научился пить всё, что хоть отдалённо содержало спиртосодержащие субстанции: политуру, одеколоны, зубные эликсиры, зубную пасту. Армейские последователи Менделеева умудрялись прогонять через банку противогАЗа, забитого угольным порошком, нитхинол, который капал живой влагой, кристально чистый и готовый к употреблению внутрь. После него суровая армейская жизнь казалась не такой уж тяжкой. А крем для обуви. Ведь нужна такая выдумка, что нобелевский лауреат позавидует. Его наносили слоем на кусок хлеба, затем срезали и ели то, что успело впитаться в мякоть. При всех негативных обстоятельствах приходишь к мысли, что нас, советских людей, ничем не взять, напрасно забугорные империалисты вынашивали планы, как нас извести.

А познакомились мы со Сливой в конце летней жары, в военно-спортивном лагере. Собрали со всего города призывников и отправили за город набираться армейской премудрости и

пострелять из автомата. Здесь ради хохмы его связали, акварелью нанесли на лицо боевую раскраску североамериканского индейца и строго наказали: «До самого утра не смывать!»

Утром предстоял разбор, нас, ещё не проснувшихся, построили в две шеренги, и командир роты, мерая своими длинными шагами строй, цедил сквозь зубы:

— Кто это сделал? Не надо здесь изображать красных партизан на допросе, всё равно узнаю. Тогда вся рота будет страдать.

Он с хрустом сжал кулаки. Всем было понятно, что шутки остались в ночи. Шеренги покачивались и с упорством молчали, будто все в рот воды набрали. Слива стоял перед строем, виновато опустив голову на грудь. Ему было очень неудобно стоять перед всеми, да ещё в таком виде.

— Я последний раз спрашиваю, чьё это художество?

В помещении висела тишина, слышно было, как в стороне лаяла собака. Потом она успокоилась, и вскоре её лай послышался уже под окном. Капитан выходил из себя, лицо покраснело, глаза выдавали недоброе расположение его духа.

— Рота будет бежать кросс десять километров по пересечённой местности, пока не вспомните, чьи это проделки, — заключил он.

Шеренги ответили недовольным гулом. К тому времени погода свернулась, по небу поплыли тёмные, наполненные водой до краёв тучи, готовые в любой момент полить землю.

— Товарищ капитан, может, в следующий раз побегим, сегодня не в кайф, — подал голос из задней шеренги высокий, с торчащими волосами на голове парень, сморщив свой нос.

Лицо его при этом сразу сделалось смешным. Послышалось хихиканье и немного разрядило грозную обстановку.

— Ты вот что, Шиндель, дурака нам тут не валяй, выйди из строя и объясни мне, в чём заключается смысл кодекса строителя коммунизма?

Шинделя этот вопрос застал врасплох, он стоял растерянный, перетаптываясь с ноги на ногу.

— Вы сложный вопрос задали, мне нужно время для его осмысления, — он запунцовел лицом.

Непонятно, как бы развивались дальше события, они имели драматический оттенок, но спасла положение сестра-хозяйка, прозванная в народе Колобком. Она грузно вынесла своё тело из кабины машины и сразу покатила к капитану. Полноватая фигура женщины была монолитна, словно её изваял скульптор из цельного куска камня, при этом ничего лишнего не отсек. Грудным и глуховатым голосом проговорила, при этом её большая грудь вздыбилась утёсом.

— Владимир Лексеевич, извините великодушно, надо двух гарных хлопчиков на разгрузку хлеба, машина уже стоит возле кухни. Не соизволите выделить? Мне некогда, надо ещё в город съездить за бельём из прачечной.

— Кто пойдёт?

Вопрос недолго оставался без ответа, шеренга сделала шаг вперёд.

Капитан глазами придирчиво прошёлся по первой шеренге и показал пальцем на меня и Виталика. Тогда мы были счастливы оттого, что могли быть полезны Колобку. Проходя мимо дородной сестры-хозяйки, мы почувствовали запах недорогих духов и вчерашнего перегара. Всё это смешивалось в утреннем воздухе и создавало неповторимое амбре.

Вдвоём с Виталиком мы быстро направились к кухне, стоявшей возле пруда. Было видно, как по водной глади рассеивался мелкий дождь. Из-за кустов, вплотную подступивших к воде, скрипя уключинами, появилась лодка. На самом носу торчали две бамбуковые удочки с красным поплавком. Рыбак усердно грёб, так что металлический звук уключин жалобно стелился по воде, кое-где затянутой ряской.

Синий фургон стоял впритык к кухонной двери. Водитель неопределённого возраста, с ухмылкой на лице, поставив ногу в кирзовом сапоге на вычищенное крыльцо, покуривал, изредка смачно сплёвывая на землю. Вместо приветствия водитель недовольно проворчал:

— Колобка только за смертью посылать, — он, конечно, имел в виду сестру-хозяйку. — Смотрите, всё небо уже затянуло, а мне надо ещё в город вернуться, потом машину помыть. А тут разыгрались в солдаты! — Ему хотелось показать своё превосходство над нами.

Виталик был из тех, кому палец в рот не клади. Он быстро нашёлся, что ответить:

— Ты что-то имеешь против, чувак? Сам-то в армии был? А мы уже, считай, защитники Отечества.

Водитель недовольно сплюнул и зашёл в дверной провал кухни, откуда тянулись запахи предстоящего завтрака. Слышно было, как громко разговаривали повара и гремела посуда.

— Ну, давай, чувак, за дело, время не терпит. Мне надо ещё постичь, в чём заложен смысл кодекса строителя коммунизма.

С этими словами Виталик распахнул дверь фургона, оттуда пахнуло запахом свежеепечённого хлеба. Рот сразу наполнился слюной, я слотнул, чтобы не задохнуться. Мы быстро разгрузили поддоны с хлебом и были премированы компотом. В гранёном стакане на самом верху плавал сухофрукт. Почерневший, словно он загорал на севере Африки. Выпив залпом эту сладковатую жидкость, Виталик собрал небольшую волну морщинок на лбу и прищурился:

— Слушай, давай не пойдём в корпус, а лучше искупаемся!

Идея мне пришла по душе, и мы, проламываясь сквозь прибрежный кустарник, оказались в укромном месте. Лес немного отступил от воды, образуя небольшую полянку с чёрной плешинкой от вчерашнего костерка.

— Место просто класс, как раз для нас, снимаем всё. Будем принимать ванны голяком.

Его слова были разумны, мы быстро скинули уже не нужную одежду и сиганули в тёплую воду.

Дождь набирал силу, вода стала пузыриться, от противоположного берега потянуло туманным дымком. Он низко стелился по воде, поглощая в белёсой стене все очертания, стирая зелень лета. Над нами тяжело пролетела ворона, она устало взмахивала крыльями и, как показалось, с осуждением посмотрела на нас кругляшом глаза. Дождь усилился и превратился в сплошной ливень. Вода обрушивалась сверху подобно водопаду. Мы быстро выскочили из воды и побежали, подхватив одежду под мышку, в корпус.

В просторном помещении происходила немая сцена. Капитан стоял, широко расставив ноги, и пытался разбить бутылку водки о край оцинкованного ведра. С первой попытки ничего не получилось, бутылка издала «брень» и

осталась совершенно целой. В общем, проходила гражданская казнь через разбитие о край ведра, в то время новейшая история не предполагала подобной экзекуции. По правую сторону стояли виновники этой сцены. Оказывается, под покровом тёмной ночи два нарушителя дисциплины удалились в сторону ближайшей деревни, до которой надо было махать через лес километра три. Утром, как только сельмаг с высоким крыльцом и наглухо зарешёнными окнами приветливо открыл свои двери перед тружениками полей, на пороге нерешительно перетаптывались два будущих защитника Отечества. У краснощёкой продавщицы, которая не преминула стрельнуть в них своими карими глазками, с утра было хорошее настроение. Смущаясь ребят, она незаметно одёрнула короткое платьице, которое было на десять сантиметров выше колен. Пока ребята глазами бегло изучали ассортимент по полупустым полкам, продавщица пальцами вытянула небольшое круглое зеркальце из-под бумаг, разбросанных по прилавку, и мимолётно оценила себя. Перекрашенные перекисью водорода обесцвеченные волосы упрямо лезли на глаза. Нос к осени обсыпало крапинками веснушек. Платье на груди было ей тесновато и грозило в любую минуту разойтись по шву. Такая она себе не понравилась и быстренько отправила зеркальце обратно под бумаги. Ребята посверкивали озорными глазами в сторону исходившей краснотой лица продавщицы, попросили:

— А можно водки купить?

— Не рано ли за водочкой пришли, ребята? — игриво ответила она и повела бровями.

Тот, который повыше, совсем не задумываясь, ответил:

— Нет, в самое для нас подходящее время. — И добавил настойчивее: — Водка есть или нет?

Продавщица молча достала из ящика, который примостился под прилавком, три бутылки «Пшеничной», и водка благополучно исчезла в объёмном зелёном рюкзаке. Вежливо попрощавшись, они покинули сельмаг. Взволнованная продавщица выбежала из-за прилавка, лицом прильнула к мутному окну. По тропе уверенной походкой шли двое ребят. Один, закинув за спину рюкзак, подпирал длинной ногой ржавую консервную банку.

Другой немного поотстал и, задрав голову, разглядывал большой дом с красивыми наличниками и петухом из оцинкованной стали на коньке крыши. Из заборной щели высунулась седая морда собаки, она зло посмотрела на пришельцев и как бы нехотя, только так, для порядка, хрипло тьякнула и, довольная собой, засунула обратно морду, только чёрные глаза выдавали её присутствие. Пока будущие защитники пешим ходом шли по незнакомому лесу до своего пункта назначения, они успели выпить одну бутылку. При подходе к корпусу, слегка пошатываясь, попались на глаза бдительному капитану.

Экзекуция продолжалась, когда в проёме двери показался местный плотник по прозвищу «Ну, погоди». Он стоял немного растерянный и отряхивался от водяных капель, прилипших к его рубашке и синим штанам с заплатой на том месте, на котором обычно сидят. Из немого оцепенения его вывел голос капитана:

– Григорий Николаевич, случайно инструмент не при себе?

– Никак нет, всегда при мне! Вдруг потребуется гвоздь какой прибить или отвёртка понадобится.

Он приоткрыл дверь и достал деревянный ящик с плотницким инструментом. В его ящике можно было найти всё необходимое для деревенского мужика: небольшой моток стальной проволоки, кружочки белой жести, вырезанной из консервной банки, гвозди разных калибров, пара стамесок с отполированными ручками, молоток. Высоко из ящика торчало топорщице. Плотник «Ну, погоди» при случае хвастался этим инструментом:

– Мне этот топор от деда достался. Ещё бабка говаривала, будто дед до гражданской с ним по селам хаживал, дома рубил. А бывало, так лезвие подведёт, что и брился им.

Вообще-то, дядька он был беззлобный; если выпьет, даже становился добреньким, тогда его глаза излучали душевную внутреннюю теплоту, с прищуром посматривали на окружающий его мир, в котором он хотел раствориться.

Прозвище «Ну, погоди» к нему прилипло после одного случая. Как-то два пионера привязали к кошачьему хвосту (кошка по своему статусу была приписана к столовой) жестяную

банку и со свистом погнали бедное, обезумевшее животное по дорожке, как раз навстречу плотнику. Григорий Петрович возвращался в ту роковую минуту из пищеблока и предчувствовал, как вернётся в свою подсобку, приляжет на топчан, стоящий возле самого окна, и вздремнёт полчаса для своего здоровья. Кошка мчалась навстречу со скоростью курьерского поезда, остановить её могло лишь чудо. Промчавшись мимо зазевавшегося плотника, она краем банки задела его совсем недавно справленные штаны. Ткань на одной брючине, повыше ботинка, разошлась, показывая белую с синими разводами вен ногу. Григорий Петрович глазами, полными слёз, проводил убегающую вдаль кошку, потом посмотрел на двух растерянных и не знающих, что делать, пионеров и сорвался на крик:

– Ну, погоди у меня, сейчас зады буду драть, так что родичи не узнают.

Сидевшие на толстом суку две сине-чёрные вороны шумно захлопали крыльями и исчезли в глубине леса, недовольно каркая.

Григорий Петрович, не обращая внимания на порванную брючину, бросился бежать в сторону виновников. Его душила мысль, что эти два сопляка стали причиной неудобств, которые он испытывал перед молодыми поварами, высунувшимися из столовой любопытствовать событиям. Они весело переговаривались, и солнце, отражаясь в окне, слепило их глаза, отчего они радостно жмурились. Тогда победили юность и проворные быстрые ноги пионеров, сдавших совсем недавно норматив «Будь готов к защите Родины». После этого случая к плотнику навсегда прилипло прозвище «Ну, погоди» и передавалось из смены в смену. Привыкнув к нему, он совсем не обращал внимания, когда слышал за спиной: «Вот идёт Ну, погоди» и сдержанный смех.

Нам необходимо вернуться к месту действия. Плотник, терзаемый душевной болью, достал из ящика свой топор и, не отводя своего взгляда от бутылки, обескровленными губами произнёс:

– Владимир Лексеевич, может, отдадите мне на ответственное хранение этот продукт?

Но несгибаемый капитан посмотрел на него отсутствующим взглядом и решительно на-

лонился над ведром, быстро взмахнул рукой, в которой он держал топор, обезглавил бутылку водки. Осколки блеснули серебром, разлетелись по полу.

Строй из будущих защитников выдохнул воздух, замер телами и немного напряжённо подался вперёд. Слышно было, как за окном разгуливалась непогода. Деревья тяжело скрипели стволами. В домике напротив сильно хлопнула дверь. Косой дождь сначала мелкими каплями стучал по стеклу, потом его прорвало, и он порывисто и безудержно хлестал по окну, по металлическому сливу, отчего тот издавал скрип, отдалённо напоминающий кашель ветерана Гражданской войны, страдающего хроническим бронхитом.

Через две недели наша начальная военная подготовка подошла к своему логическому завершению. Мы были посажены на грузовой автомобиль с открытым верхом, и под бравурную музыку марша «Прощание славянки» машина несколько раз чахоточно дёрнулась и наконец тронулась с места. Было видно, как возле распахнутых настежь окон столовой стояли немного растерянные работники пищеблока. Колобок с красным носом тёрла глаз пухлым кулачком. Она навсегда осталась для нас добрейшей душой.

Капитан нервно мерил ногами землю возле спального корпуса, всем своим видом показывая полное равнодушие ко всему происходящему. Его начищенные до блеска сапоги отражали полуденное солнце, оно одаривало нас на прощание скуповатым теплом. Возле небольшого деревца с подёрнутыми желтизной листьями стоял плотник Григорий Петрович, глаза его были наполнены грустью, лицо немного сморщилось, казалось, ещё немного, и он подетски расплачется. Возле ног примостился его спутник — ящик с плотницким инструментом.

Рюкзак наши были небрежно свалены все в одну кучу возле кабины. Машина уверенно набирала скорость, ветер трепал наши непокорные вихры на головах — тогда нам всем было хорошо и вольготно, впереди была вся жизнь. Скоро будем дома. Мы, надрывая глотки, с красными от натуги лицами орали песню «Наш паровоз, вперёд лети, в коммуне остановка». Деревянный кузов машины скрипел и

стонал всеми своими деталями. Водитель гнал машину по лесной дороге, не сбавляя скорости. Мотор натужно гудел. Ветки разлапистых елей хлестали по кабине. Солнце изредка мелькало сквозь плотный лес. На большой колдобине машину резко подбросило кверху, мы дружно, как по команде, отделились от своих мест и некоторое время находились в невесомости. Когда после не совсем мягкого приземления зубы клацнули, песня оборвалась, и остаток времени мы ехали молча, каждый думал о своём...

Двор встретил меня, возмужавшего после военно-спортивного лагеря, молчаливо и торжественно. Никого не было видно, соседская полосатая кошка приветливо мякнула, узнав меня, потёрлась привычно о ногу и исчезла за углом. В соседнем доме хлопнула входная дверь и выпустила двух первоклашек, девочки торопились в школу. На головах парусились большие белые банты, фартуки торжествовали на серой школьной форме. Аккуратно ставя ноги в новых туфельках, чтобы их не запачкать, они торопливо пересекли двор по касательной и исчезли за сарайками. Набежавший ветер скрипнул ржавым фонарём, прибитым к столбу. Он закачался в разные стороны большой шляпой, не понимая, что хочет от него ветерок. Небо голубое, бездонное, хотелось в нём полностью раствориться, почувствовать себя там, на самом вершине, и оттуда посмотреть на двор своего детства. Внутренне я чувствовал безысходность скорого расставания с ним.

Много времени спустя я вновь возвращался в свой двор с тяжестью в груди, сердце билось и хотело вылететь, горло сдавливал спазм, он держал цепкой рукой и не хотел отпускать. Я хотел в глубине своей памяти восстановить незабываемые краски детства.

Быстро пролетел сентябрь, затем холодный ветер на своих крыльях принёс пасмурный и дождливый октябрь. Однажды стук в дверь оторвал моё тело от уютного дивана, и я пошёл открывать, в потёмках стукнувшись о край стула. Открыл дверь и увидел на пороге своего старого друга Витьку Стародумова, по прозвищу Японец, которое к нему прилипло за монгольские раскосые глаза. Впрочем, на

него он совсем не обижался. В руке Витька держал дерматиновую сумку и для достоверности потряс её:

— Вот, купил бутылку «Солнцедара», может, понемногу выпьем, всё равно тебе скоро в армию. — Он произнёс это с такой убедительностью, будто армия мне все земные грехи спишет.

Возражений не поступило, и мы прошли на кухню. На столе быстро возникла нехитрая снедь. Порезанная тонкими кружочками докторская колбаса источала аппетитный запах, на другой тарелке грудился отварной картофель, он был рассыпчат и изнутри светился желтоватым цветом. В центре стояла бутылка красного вина с ярко-красной этикеткой, около неё сиротливо теснились два стакана из тонкого стекла. Такой натюрморт требовал действия. Витя почти профессионально открыл вино и твёрдой рукой разлил по стаканам.

— Не много будет для начала? — попытался я сопротивляться.

— Не переживай, как раз по стакану.

Почему-то сразу показалось, что мне это будет многовато. Поймав неуверенный взгляд, он подбодрил:

— Ладно, не дрейфь, покатится как по маслу, настоящее вино, я за ним в очереди целый час давился. Знаешь, сколько народу было, целое светопреставление.

Он запрокинул голову и влил в себя красную жидкость. Лицо его на некоторое время стало пунцовым. Выдохнув воздух, вилок подцепил кружочек колбаски и незамедлительно отправил его в рот. Пережевывая её, отчего под кожей вздувались желваки, он поторопил:

— Ну, давай, сердце не томи, — с этими словами он придвинул ближе ко мне стакан вина.

Оно немного пролилось через край, образовав небольшое красное пятно, похожее на стоящего на задних лапах медведя. Я всегда представлял почему-то, что в красном вине содержатся солнечные лучи и оно обязательно должно быть вкусным. Это не относилось к той жидкости, которую я отправил внутрь своего организма. В нос сразу же ударил запах пробки. Вкус отдалённо напоминал карамель. Мы присели и стали обсуждать последние новости, кто куда призвался. Скоро в голове появлялась

вилась сладкая истома. Виктор улыбался, глаза его возбужденно блестели и отражали свет лампочки, висящей под самым потолком.

— Пойдём на воздух, подышим, — поступило от меня предложение, которое было с энтузиазмом подхвачено.

Пока Виктор, ожидая меня, топтался на нижней площадке, откуда несло табачным дымком, мне вдруг стало дурно. К самому горлу подкатил сладковато-приторный ком, который стремился вырваться из меня наружу. Тогда показалось, что голова существует сама по себе, независимо от тела, наполненного тяжестью. Ноги не хотели двигаться в нужном направлении. Отвесная деревянная пожарная лестница весьма удачно встретила на пути. Я чувствовал, что если ещё некоторое время в животе будет держаться эта жидкость, то она, подчиняясь закону физики, выльется на пол площадки. В предчувствии опасности я молнией метнул тело на лестницу. Оказавшись на чердаке дома, упал коленями на шлак, не обращая внимания на временные неудобства. Изнутри безудержным потоком стало выливаться то, что совсем недавно называлось вином. Зато в голове стало проясняться, и мир казался не так уж и плох. Подняв голову, увидел в чердачное окно плывущие по небу тёмные, со свинцовым оттенком облака, их гнал колючий северный ветер. Вдруг самому захотелось стать в тот момент облаком, легким и невесомым, и лететь, куда понесёт попутный ветер. Так закончилась неудачей первая попытка вкусить изделия Бахуса непонятного разлива.

В областном центре на призывном пункте нас построили, пересчитали по головам, и нестройная колонна потянулась в сторону железнодорожного вокзала. Мороз крепчал, он протягивал свои холодные щупальцы под синтетический свитер и мурашками полз вверх по спине. Некоторые прохожие останавливались и с нескрываемым сожалением смотрели на нас. В голове вертелась только одна мысль: «Скорее бы в спасительное тепло!»

На перроне стоял пассажирский состав, зелёные вагоны имели грязноватый вид. После команды «Стоить!» колонна съезжилась, ожидая следующих распоряжений. Офицер заскочил

в вагон, в окно было видно, как он постучался в купе проводников. Дверь отъехала, и в проёме показалась кудлатая девичья голова с ярко подведёнными глазами. Девушка некоторое время смотрела на офицера, потом протянула руку и получила список личного состава и проездные документы. Она игриво передёрнула плечиками и исчезла в проёме купе. Офицер вышел на занесённый снегом перрон, поднял воротник шинели, втянул голову и стал прохаживаться вдоль вагона. Шарфик вылез из жёсткого воротника шинели и закрывал весь подбородок. Офицер подошёл к строю, потерявшему своё равнение, и, выпуская изо рта облачко пара, разрешил:

— Можно курить. Далеко не расходитесь, чтобы не получилось, что паровоз даёт сигнал к началу движения, а некоторых бывших гражданских нет. Сержант! — крикнул он и махнул рукой, подзывая его к себе.

Перед ним тут же возник сержант Польшаев, мужчина могучего сложения, из покатых плеч росла короткая шея. На голове неуклюже прилепилась шапка, сдвинутая набекрень. Капитану сразу не понравился внешний вид сержанта. Сердито поиграв бровями, офицер глухо спросил его:

— Ну что за вид у тебя, сержант? Какой пример подаёшь молодому пополнению? Сейчас же приведи себя в порядок. Шапку-то пристрой на своей непутёвой голове, а то позоришь войска. — Видя взволнованную суету сержанта, только поджал губы.

Стало темнеть, ближайший фонарь, зажигаясь, замигал, выхватывая лица из темноты, затем свет стал устойчивым. В большие вокзальные окна были видны люди, стоявшие в длинной очереди к билетной кассе. Очередь петляла возле колонны, будто хотела обвить её. На полу вдоль стен, выкрашенных в грязно-тёмный цвет, сидели люди, по своему виду напоминавшие бродяг. Один из них в рваной телогрейке спал, подложив под голову чёрную шапку, широко раскинув руки. На губах засыпала пьяная ухмылка. Валенки с обрезанными голенищами валялись рядом. Из двери с надписью «Дежурный» вышел молодой краснощёкий милиционер, затянутый ремнями, он

по-хозяйски посмотрел на бродяг, хотел подойти, но передумал, у него по лицу пробежала тень. Напоследок окинул придирчивым взглядом зал ожидания и медленно пошёл к выходу, поскрипывая новыми с блеском сапогами. Алюминиевая труба, висевшая на уличной опоре освещения, неожиданно заскрипела, затем послышалась негромкая музыка, и женский простуженный голос объявил:

— Начинается посадка на поезд «Пермь — Ленинград», отправление через полчаса.

Замёрзший люд сразу оживился и пришёл в броуновское движение. Быстро пробежали к голове состава две девушки в зимних комбинезонах, прижимая к себе лыжи. За ними увязалась небольшая рыжеватая собачонка, ей было холодно, она поочередно поднимала задние лапы.

К последнему вагону подъехала крытая милицейская машина. Послышался простуженный лай собак. Конвой снял автоматы и встал, перекрывая расстояние до вагона. Из машины по одному человеку выпрыгивали заключённые, они садились на корточки, заложив за голову руки. Кабина машины открылась, и офицер в звании старшего лейтенанта, с пистолетом на ремне, подошёл к заключённым. Достал из планшета листок бумаги, вглядываясь в него, пересчитал заключённых. Собакам было холодно, они зло рвались с поводков, пытаясь зубами достать сидевших в неудобной позе эков. Потом заключённые по одному забежали в вагон, из тамбура высунулась голова конвойного, он окинул взглядом состав и быстро исчез за дверью, которая с глухим звуком закрылась. Состав несколько раз дёрнулся, вагонные буфера лязгнули, и поезд стал втягиваться в густую чернильную темноту.

Рыжеватая собачка, выткнув свою мордочку, с тоской в глазах смотрела на удаляющиеся красные огоньки последнего вагона и немного поскуливала. Ей казалось, что она должна была ехать в этом тёплом поезде вместе с людьми, которые сжалились над ней и бросили под сиденье небольшой кусочек колбаски. Тявкнув от злости несколько раз в темноту, она, прихрамывая, побежала к зданию вокзала, где уже кружился люд в ожидании своего поезда.

Все новобранцы ехали в одном плацкартном

вагоне без особых удобств. Выдача матрасов не предусмотрена в расходной части военного бюджета. Старлей прошёлся по вагону, по-хозяйски оглядывая, и, выйдя в тамбур, закрыл ключом дверь. Таким образом, вся команда осталась без связи с внешним миром.

— Так-то спокойней будет, излишние волнения нам ни к чему, — на ходу бросил он сержанту, который стоял спиной к окну, затыкнутому ледяной коркой. — Посматривай за ними, иногда у них прощание с гражданской жизнью проходит весьма сумбурно и даже непредсказуемо. Выпивку сразу же пресекай, потом, как правило, начинается выяснение отношений, стадное чувство превалирует, вождя ищет своё природное место. — Холод залез ему под китель, он судорожно потёр руки, дунул на них вытянутыми губами. — Ну да ладно, я ушёл к проводникам чайком побаловаться. Дело к ночи. — Последнее он произнёс с некоторой неопределённостью.

Уходя, хлопнул дверью. От удара открылась небольшая дверца в стене. Сержант подошёл поближе и увидел там пустую бутылку из-под водки.

— Скучно не будет, — подумал он и напоследок выдохнул беловатый клубок табачного дыма. В тамбуре снизу доносился стук вагонных колёс.

За окном мелькали маленькие огоньки, они внезапно выбегали из темноты и через мгновение вновь исчезали за окном. На столе устроился импровизированный походный ужин. Нас там было пять человек, каждый порылся в своём сидоре и извлёк то, что родные приготовили к железнодорожному путешествию. В наваленной куче свёртков и банок угадывался запас на несколько суток автономного пребывания. С краю стола лежал большой шмат сала, его белые бока были щедро посыпаны крупной солью. Из мятой газеты торчал высунувшийся бок копчёной колбасы, она издавала аппетитные запахи, наполняя рот слюной. Белый хлеб, порезанный большими ломтями, торжествовал на столе. Петруха, высокий нескладный парень с торчащим впереди носом и длинными руками, проворно хозяйничал за столом.

— Кушать подано, господа хорошие, хлеб-соль имеется, сало посуху не ходит.

Нагнувшись, он пошарил в синей спортивной сумке и извлёк на свет божий бутылку красного вина. Все присутствующие одобрительно загудели. Идея выпить пришлась по душе, тем более впереди ждала глухая неизвестность.

— Только осторожно, чтобы этот Окунь не заметил, а то будет заниматься культпросветом, сдайся нам он.

Из темноты поступило предложение пригласить на прощальный ужин по гражданке сержанта, идея не пришлась по душе, и её сразу отменили.

— Нет. С нами пить он не будет, только стуканёт командиру, зачем нам эти хлопоты.

Прозвище Окунь как-то сразу прилипло к старлею, наверное, из-за мёртвых глаз, которые отчасти напоминали замороженные глаза морского окуня, лежащего в магазинной витрине. Вино, издавая булькающие звуки, разлилось по разнокалиберной посуде. стакан мною был накрыт рукой, этим я дал понять, что не буду пить.

— Ну, ты чего, зазнался, что ли, убери руку, выпей, как все. Ну, если не хочешь, то нам больше достанется.

Когда вино было выпито, очередь дошла до самогона, который по-хозяйски был сбережён от шмона на призывном пункте. В воздухе витал запах плохой возгонки. Сосед справа, Серёга Хлыстов, поморщился от самогона и сказал:

— Одним словом, не амброзия, если это не так, то, господа вольные стрелки, можете возразить. — После непродолжительной паузы добавил: — Из табуретки гнали, по рецептам Остапа, одни сивушные масла. Почистить не могли по-человечески, так и дуба можно дать, не отдав долг Родине.

— Ладно, не кипятись, Серый, ты у себя в кабаке возле Камы привык, наверное, только коньяк «Наполеон» пить. Ты же у нас интеллигент, на саксе звуки выдувал.

— Мужики, кончай поднимать волну, не то Окунь ластами пригребёт, тогда всё, хана будет, — отозвался Серёга.

Алкоголь разморил, все сидели красные, с глазами, в которых поблёскивал огонёк.

— Может, ещё примем на грудь по сто, —

поступило предложение от окна, просто классное предложение. — Пить так пить! Только честь не пропивать, она, как у девушки, одна. Береги её смолоду.

На тусклый свет была извлечена ещё одна бутылка вина. Все радостно приветствовали её явление народу и быстро придвинули посуду, звякнув при этом стаканами.

— Серёга, расскажи, что ты делал в кабаке, в этом злачном и порочном месте, — не унимался Слава, паренёк живой, словно наполненный не человеческой плотью, а ртутью.

— Работа как работа, особых отличий от другой я не вижу, — ответил он. — Вечером приходит усталый после работы люд, чтобы по полной программе оттянуться, и ничего здесь зорного нет. Должен только присутствовать определённый смысл, и в кармане похрустывать купюры. Интересно бывало в самом конце, когда шёл съём с обеих сторон. Дамы выбирали кавалеров, местные донжуаны — своих чувих. Вот такой расклад в преддверии бурной ночи. Мы, музыканты, на небольшой сцене, в самом центре зала, нам всё видно.

— Ладно, ладно, — снисходительно усмехнулся Петруха, при этом сморщил нос, отчего стал похож на хищную птицу. — Лучше поведай нам, вольным людям, какую-нибудь душещипательную историю в жанре Хичкока. Мужики, давай не будем торопить, дадим Серому самому выбрать сюжет для повествования.

Со всех сторон одобрительно загудел народ. Серёга посмотрел на стакан, запрокинул назад голову и одним движением выпил вино. Глазами пробежал по натюрморту на столе, вытащил из газетной обёртки кусочек колбасы с сальными точками. Двумя пальцами поднёс ко рту, облизал языком, и вскоре она исчезла в тёмном провале рта.

— Хотите послушать интересную историю из богемной жизни? Да пожалуйста!

Он закинул ногу на ногу и, покачивая носком полуботинка, играя губами, стал рассказывать.

— Однажды вечером мы в своей джаз-банде на сцене бацали нехилую музыку, я на саксе выдувал ноты великого Дюка Эллингтона.

— А кто это такой? Англичанин? — раздался из темноты голос.

— Для непосвященных поясню, что Дюк — это крутой джазмен, подобных величин в джазе просто нет. Ну, короче, стою, выдуваю из себя остатки воздуха и вижу в конце зала чувиху. Сидит одна, красotka, просто закачаешься, одним словом, богиня, сошедшая на нашу грешную землю погостить. Сидит, своей тонкой ручкой головку подпёрла и смотрит, как мне в тот миг показалось, на меня. Сердце зашло от радости и застучало, как исправный фордовский движок.

Только закончили, подходит к нам дядька, невысокого роста, но весь в прикиде, на правой руке блестит печатка, не золотой лом, а произведение искусства, по краю светится бриллиантовая окантовка. Попросил он сыграть песню «Листья жёлтые над городом кружатся». Ну, короче, мужики стали бацать на электрогитарах, я спустился в зал и пошёл на кухню за чаем. А тот мужик подошёл к богине и пригласил на танец. Фигурка у неё — закачаешься: талия тонкая, ножки точёные, она легко идёт по залу. Я чувствую, пробрала она меня по самые гланды. Забыл я совсем про чай, стою и из-за колонны подглядываю. Этот мужик хорошо танцевал, легко водил её по залу, одна рука лежала у неё на плече, другая находилась на талии. Смотрелись просто классно. Девушка танцевала, запрокинув назад голову, на лице торжествовала улыбка. Танец закончился, мужик пошёл её провожать на место, идёт и так нежно за талию поддерживает. Потом он к ней за столик пересел, тут же перед ними возник метрдотель с изогнутой спиной, он умел видеть клиента.

На столе сразу возникли шампанское, фрукты, чёрная икра. Девушка сидит, улыбается, а мужик ей, видимо, мозги втирает. Недалеко стоит официант, ожидая заказа. Весь вечер я наблюдал за этой парой. Мне так хотелось быть там, за одним столиком с этой незнакомкой. Примерно за полчаса до закрытия они исчезли. Я выбежал на улицу и увидел только красные огоньки отъезжающего авто. Тогда подумал про себя: «Если эта рыбка появилась здесь, то, наверное, будет ещё». Каждый вечер я присматривался к публике в ожидании увидеть её, но всё было напрасно. В субботний вечер меня будто прошибло током, когда увидел её ещё в раздевалке. Она легко повела плечом,

и короткая шубка оказалась в руках её спутника. Светло было в гардеробе, и я увидел блеск бриллиантов на пальце того, кто её сопровождал. Уже потом, когда мы играли забойную негритянскую музыку грустного содержания, я решил пригласить эту девушку на танец.

Попросил ребят сыграть медленную музыку и уже стою перед их столиком ни жив ни мертв. Девушка протянула мне руку, и мы пошли в зал. Под своей рукой я чувствовал плотное тело, изгиб её спины. Обеими ноздрями вдыхал я аромат её волос, который доконал меня. Попытался притянуть её к себе, но она немного напряглась телом и отодвинулась. Мы представились друг другу, она была студенткой театрального института, старшекурсницей. Мне показалось, что танец быстро закончился. Я проводил её на место и увидел, как блеснул огонёк в глазах того мужика.

Вечер закончился, мы посидели за столиком, вся наша джаз-банда, выпили понемногу и разошлись по домам. Я жил возле телевизки. Иду спокойно, шпаны не боюсь, она вся ошивалась в нашем кабаке, и музыкантов не трогали. Захожу в подъезд, света нет, хоть глаза выткни, ну, думаю, опять лампочку спёрли, иногда такое бывало. Шагнул пару раз по лестнице, как у меня в глазах потемнело: чем-то тяжёлым по голове шарахнули. Потом очухался, лежу себе на грязном оплётанном полу и слышу голос, немного глуховатый:

— Ты вот что, парень, забудь эту кралю, не по адресу обратился. Ещё раз сделаешь телодвижение, тогда кранты. Ты понял?

Уходя, на прощание пнули меня ногами пару раз, видимо, для закрепления материала. Через несколько дней встретил Зуба, он имел несколько ходок и был в авторитете у местной шпаны. Захаживал он в наш ресторан, и я интересовался личностью с печаткой.

— Ты туда не лезь и вопросов мне не задавай, тот человек имеет большой вес и не будет с тобой барышней делиться. Я тебе посоветую далеко его обходить, здоровее будешь, — он нехорошо хохотнул и исчез в подворотне.

Вот, рассказал я вам по заказу историю с трагическим завершением, про любовь, про половое влечение и быстрый, практически безболезненный исход, — закончил Серёга.

Слава, сложив губы, тихонько присвистнул: — Мужики, на горизонте плывёт Окунь собственной персоной, прячь тару, иначе будем слушать краткую лекцию о вреде алкоголя и влиянии его на умственные способности.

Старлей шёл по проходу, подчиняясь колебаниям вагона, и заглядывал в купе, пытаюсь вычислить состояние будущих воинов. В прошлый раз, когда он сопровождал команду, один новобранец, считая, что армия может обойтись без него, исчез в ночи на неизвестном полустанке. Вспоминая тот случай, старлей гнал его мысленно подальше.

— Как устроились? — задав вопрос, он окинул своим рыбьим глазом присутствующих.

— Да так, нормалёк, — отозвался Серый. — А когда приедем в часть, товарищ старший лейтенант, если это не секрет? — задал он вопрос по существу.

— Не надо торопиться, а то служба покажется вечностью, — старлей ещё раз бросил придиричивый взгляд, ему что-то не нравилось в поведении ребят. — Ну, хорошо, пойду дальше. Проверю остальных, а вы долго не засиживайтесь, скоро свет отключат, — сказав это, он повернулся через левое плечо и, покачиваясь, пошёл дальше по проходу.

Поезд набрал скорость и, разрезая лучом прожектора темноту, нёсся, стуча колёсами, вперёд, к северной столице, приближая встречу с армейским бытом. Как и обещал старлей, свет скоро потушили, только возле купе проводников тускло подмигивала лампочка под самым потолком. Лежать без матраса на жёсткой вагонной полке было крайне неудобно. Соблюдая меры предосторожности, я повернулся на правый бок и стал всматриваться в черноту ночи за окном.

Приближалась небольшая станция, поезд медленно останавливал свой ход, морозно скрипя тормозными колодками, и вскоре набежали пристанционные огни. Небольшое здание вокзала с одной стороны было облеплено снегом до самой крыши. Фасад, выложенный из красного кирпича, на углах откололся, и битые кирпичи торчали наружу подгнившими зубами. Из дверей на небольшой перрон сразу вылился народ. Бабки, неуклюже переступая через рельсы в валенках послед-

него размера, закутанные, словно коконы, в пальто с зимней подбивкой, высматривали глазами из-под платков выскочивших на мороз пассажиров, нервно суетились возле вагонов, предлагая нехитрую снедь.

— Пойду покурю на свежем воздухе, — Серый встал, бледный лицом, потянулся телом до хруста, — может, водяры куплю у местных барыг, наверное, приторговывают втихаря, дело обычное.

Он шагнул в сторону выхода, исчез в полумраке вагона и появился на небольшом освещённом пятачке, разговаривая с бабкой. В руках у неё примостилась небольшая плетёная корзинка, сверху прикрытая красной тряпкой. С такой корзинкой обычно летом горожане ходят в лес за грибами. Серый ёжился на морозе, он что-то говорил бабке, и изо рта вылетало белое облачко. Торговались недолго, Серый протянул руку к корзинке и извлёк оттуда светлую бутылку. Победно взмахнув рукой, он быстро побежал к вагону. Бабка замерла и смотрела вслед бегущему к вагону пассажиру, который в темноте сунул ей в руку красную десятку и, уже отходя от неё, только бросил через плечо: «Сдачи не надо».

Время было за полночь, и пассажиры находились в состоянии сна.

— Ладно, мужики, кто не возражает, то можно ещё по сто, и спать, — предложил Серый.

С улицы он принёс запах мороза и сигарет. Желаящих не нашлось, он раздосадованно плеснул махом полстакана водки, чокнулся с окном и выпил, не закусывая. Бабка, продавшая ему водку, приветливо взмахнула рукой. За окном едва слышно прохрипел женский голос, поезд дернулся, и мимо проплыли замёрзшие торговки, станция вскоре исчезла в темноте.

Сон всё же взял своё, и, сомкнув глаза, я очутился в сладком царстве Морфея. Приснился почему-то школа, в которой учился десять лет. Сначала смутно появились очертания длинного коридора, со школярной колготнёй и гамом, затем яркость усилилась, и я оказался в классной комнате на третьем этаже. Просторный класс на три окна, окна под самый потолок, и много дневного света, даже глаза слепит.

Шёл урок географии, на стене висела большая карта, придавая уроку некую осмыслен-

ность. Все слушали вполуха. Географичка, стройная молодая женщина в чёрной юбке и туфлях на высокой шпильке, стояла возле карты к нам боком. Она водила кончиком указки в районе Восточной Азии, и её высокая грудь колыхалась в водах Тихого океана.

— Кто ответит на вопрос, как называется столица Камбоджи?

Она обвела всех накрашенными глазами и остановилась на мне.

— Я повторяю вопрос для тех, кто не слышал его.

Она подошла совсем близко, так что можно было ощутить слабый запах духов. Доставая своё нескладное тело из-за стола, я задел локтем детектив, в текст которого был погружён. Книга с шумом упала на пол и раскрылась.

— Ну, и что читаем на моем уроке? — полюбопытствовала она и наклонилась, показывая в разрезе блузки белизну кожи. Тогда положение спас звонок, он разорвал тишину, за ним послышался коридорный гвалт.

— Хорошо, урок закончен, можете идти, — постучав настойчиво указкой по столу, она пошла к двери, играя бёдрами.

Мужской туалет располагался как раз напротив нашего класса, и, пользуясь законным перерывом, старшеклассники потянулись перекурить. В самом конце туалета из большого окна сквозь еловые ветки проглядывалось панельное здание редакции местной газеты. Судьба через много лет занесёт на третий этаж редакции с первыми небольшими рассказами. В туалете некогда белый потолок имел сыроватые подтёки, желтовато-зелёные пятна морем плескались наверху. На широком подоконнике, исписанном всякими школярными премудростями, мы втроем удобно пристроились и закурили сигареты «Дымок». Особенностью этих сигарет была плотная набивка и дешевизна табака. Слегка поразмяв сигарету пальцами с лёгким налётом желтизны и прищуриив глаз от вьедливого спичечного серного дыма, я глубоко затянулся и выпустил в воздух колечки. Я любовался их воздушной геометрией, конечно, такого мастерства ещё не было — пускать кольцо в кольцо, — но впереди была вся жизнь.

В тесноватом и пропахшем хлоркой туалете два стульчака, их разделяла кирпичная стена,

выкрашенная в ядовито-зелёный цвет. На одном из них гордо восседал школяр из пятого класса. Лицо, облепленное веснушками, выразительно и даже с нескрываемым интересом смотрело на нас. В его голове мечтательно проносились картины, что когда он будет таким, как мы, то непременно будет курить длинные сигареты. Школяр сидел, приспустив брюки, худенькие ноги торчали острыми коленками. Находясь в глубокой задумчивости, он не мог даже гипотетически предположить, что без стука, презирая все этические нормы, на пороге туалета появится завуч Ирина Григорьевна, собственной персоной. Её, видимо, привлёк запах «Дымка», который вытягивался из туалета и распространялся по коридору в соответствии с законами физики. Весь её внешний вид выдавал внутреннее состояние: глаза метали молнии, нижняя губа подрагивала, не обещая нам ничего хорошего. Быстро подойдя к нам, она голосом Зевса-громовержца проорала:

– В-о-н! В-о-н отсюда! Какие негодники, в туалете вздумали курить! Я кому сказала, вон отсюда!

Её рука показала нам правильное направление пути. Звук резонировал в небольшом помещении и стремился вырваться на волю. В дверях образовалась пробка, школьники, видя такую расправу над вольнодумцами, не решались пройти в туалет. Школяр, не предполагая такого оборота дела, вскочил и, не надевая штанов, ринулся к двери.

– Ну, а ты можешь посидеть, – рукой завуч цепко подхватила напуганного пятиклассника за воротник рубахи и посадила на то место, где он совсем недавно пребывал. – А вы, негодники, после уроков все ко мне с дневниками. Буду рада видеть ваших родителей.

Мы, ещё не пришедшие в себя после головной боли, немного потоптались возле распахнутых настежь дверей и понуро потянулись в класс.

Завуч круто развернулась всем телом и понесла его к выходу на сильных, с развитыми икроножными мышцами, ногах. После такого разговора не только учиться, но и жить уже не хотелось. О бесцеремонности завуча в школе ходили целые легенды, которые передавались из года в год в виде фольклора.

Много после этого утекло воды... Однажды мы с Ириной Григорьевной столкнулись на пешеходной дорожке, она пребывала в том возрасте, о котором говорят: старше бальзаковского. Вежливо поздоровался, в глубине души надеясь, что буду узан, но она ответила безучастным и равнодушным взглядом. В глазах не промелькнул даже интерес. В школьные годы глядяешься с высоты прожитых лет, пытаешься оживить и воспроизвести, чтобы потом всё рассказать непосвященным, надеясь вызвать у них неподдельный интерес.

Время тянулось с мучительной медлительностью. Лежать, в смысле спать, на жёсткой полке было очень неудобно, и я отправился попить воды из титана. По полу блуждал холодок. На нижней полке, скрючившись, спал Серый. Лицо немного напряжённое, губы подрагивали, возможно, ему снился сон, как он в своём ресторане выдувал звуки музыки негритянского джазмена. В титане не было воды, стукнув по нему пару раз в надежде, что после такого обращения из крана потечёт вода, двинулся обратно. На боковой полке, положив голову на локоть и подсвечивая себе фонариком, читал книгу парень в круглых очках. Они занимали пол-лица, и в темноте казалось, что глаза его огромных размеров.

– Чего не спишь, полуночник? – остановился я возле него.

– Да вот, читаю философа Канта, – ответил он, не отрываясь от чтения.

– Дался он тебе ночью! Глаза побереги, книголюб, или поумнеть хочешь? Спи, утром подъезжаем к Питеру.

– Хорошо, прочитаю ещё пару страниц, – согласился он и убедительно кивнул головой.

Оставив юного философа для осмысления сущности бытия, я отправился к своему месту. Только прилёг, как сон будто ждал, что его позовут, пришёл в цветном изображении.

На этот раз действующим лицом была Танька Егоршина. По ней сохли многие ребята. Красивая; когда она порхала по школьному коридору, на неё заглядывались даже из других классов. Зимой я приходил к ней домой, она, набросив пальто на короткий халатик, выходила в подъезд, где мы с ней целовались до боли в

губах. Поднимаясь к ней на второй этаж, выкручивал лампочку, как говорится, подалеже от любопытных глаз. После нашего свидания лампочка вкручивалась обратно на место. Татьяна со своей вызывающей красотой нравилась моему другу Женьке Савахину. Пока мы в лихорадочном состоянии блуждали мокрыми губами друг другу по лицу, он стоял на площадке двумя пролётами ниже и терпеливо ждал окончания свидания. Это были первые мальчишеские чувства, и однажды, вскочив ночью в возбужденном состоянии, ударившись головой о столешницу, я родил поэтические строки, первые и последние в моей жизни:

*Какое прекрасное имя Татьяна,
Как сильно люблю тебя.
До самой кончины я буду
Верен только тебе.*

Вот такая нескладуха. Но окрыленный стихом смотрел на неё влюблёнными глазами.

Перед самой армией её красота и разлучила нас...

Поезд, наконец, прибыл в колыбель русской революции — город Ленинград.

Поутру было серо и промозгло, фонари ещё не погашены, и вокруг них светился ореол из серебряных нитей. Было очень красиво и загадочно. Наша команда в ожидании толкалась, пока командир ходил в здание вокзала.

— Ждём электрички, никто не разбредается, не стадо баранов, — сержант окинул нас взглядом, словно пастух своё стадо, пасущееся на склоне небольшого холма.

Посёлок Морозовка — наш конечный пункт назначения. Учебный батальон располагался в трёхэтажном здании довоенной постройки. Высокие металлические ворота, покрашенные в зелёный цвет, наглухо отделили нас от гражданской жизни. Возле плаца висел большой плакат «Внутренние войска — надёжный щит государства». С него смотрел бравый солдат с автоматом наизготовку на фоне задымленного военного объекта. Щитом Родины мне предстояло быть два года. Командир отделения — сержант Николай Штоколов, высо-

кий брюнет в ладно подогнанной форме, которая на нём сидела, как на том плакате. Единственной вольностью было то, что он носил начищенный ремень немного ниже, чем это предусматривалось уставом. Сержантом он был беззлобным, это очень важно для молодого бойца, ещё не адаптированного к условиям армейской жизни.

В армии очень любят бегать, для этого найдётся масса различных причин. Это, видимо, связано с тем, что до некоторых доходит быстрее через ноги, чем через голову. И резон в этом есть. Получив у старшины форму и подштанники без единой пуговицы, мы разбрелись по казарме, приводя их в порядок. Пуговиц у старшины не оказалось, и приходилось приспособляться различными путями. В самом верху, у пояса, найденным кусочком проволоки подмотал так, чтобы подштанники не спадали в неподходящее время. Хуже дело обстояло с портянками, их не хватало даже на половину ступни, и приходилось выбирать, какую часть стопы спасти от холода. Шапка без особого труда была подменена в столовой и своевременно подписана хлорной известью, так что она стала моей собственностью, а точнее собственностью оперативной бригады внутренних войск.

Да, о пользе армейского бега надо поговорить особо. Вечером оздоровительный бег по периметру спортивной площадки, и, если у сержанта было не очень хорошее настроение, мы бегали вокруг зданий около часа. Обычно в самое неподходящее время начинал дуть холодный, насыщенный водной пылью ветер с Балтики. Тогда приходилось больше шевелить мышечной массой для согрева. Учебный взвод должен бежать без отстающих, таков негласный закон. Отставали солдаты с лишним жирком, не баловавшие себя на гражданке занятиями физкультурой, или маменькины сынки. Сначала им предлагалось бежать и не отставать в такой ненавязчивой и почти дружеской форме. Происходил естественный отбор, слабейшие отставали, и тогда их подхватывали под руки, и они пытались изобразить радость от бега. Потом все выдыхались и в дело шли кулаки. Били под рёбра для стимуляции движения. У сержанта был свой подсчёт кругов. Сколько

воинов отстало, столько дополнительных кругов, арифметика по-армейски проста и понятна. После такого променада на чистом воздухе здоровый сон обеспечен.

Вечером в тесном, узком коридоре выстраивались девяносто шесть коротко стриженных голов. Напротив взгляд упирается в стену, выкрашенную в ядовито-зелёный цвет. От ничего-неделания разглядываю паутинку, которую сплёл паук под самым потолком. В ней лежали высохшие трупки мух. Слышится громкий голос, начинается вечерняя проверка. Дежурный офицер присутствует при этой церемонии и стоит там, вдалеке, в самом начале коридора, оттуда мне его не видно. Вытягиваю голову, но вижу только офицерскую фуражку и кончик его носа. Переключка продолжается, и, пока дойдёт до меня очередь, можно стоя уснуть, а спать зимой после постоянного пребывания на воздухе очень хочется. С окна в спину поддувает свежим ветерком, принесённым с холодной Балтики.

Начали считать присутствующих нашего взвода. Медленно расстегиваю пуговицы на гимнастерке, потом расслабляю ремень, чтобы потом, когда все сорвемся с места и в бешеной гонке помчимся на свои спальные места, в одно мгновение остаться в исподнем. После команды «Рота, отбой!» все несутся в узкий проём, разделяющий два помещения, где начинается давка. Кто падает сбитый натиском, по нему пробегает несколько десятков сапог. Там уже куча мала, сержанты довольны зрелищем.

Вот ты под одеялом, напрягаешься не только слухом, но и всем телом, оно напряжено до предела и ждёт команды «Рота, подъём!». Неведомая сила, сконцентрированная до предела человеческих возможностей, выкидывает тебя из не успевшей ещё согреться постели, и ты снова несёшься по коридору в обратном направлении. Опять тяжёлые армейские кирзовые сапоги пробуют на прочность чью-то плоть. Для сержантов закон не писан, и такое вечернее времяпрепровождение может затянуться на несколько часов, пока им это не наскучит. Для них это обыденное развлечение. После наших забегов на полу поблескивают оторванные пуговицы со звездой, символом нашей армии. Одна закатилась в щель между плинтусом и стеной и торчит острым краем.

Засыпаешь в тот момент, когда голова, налитая свинцом, движется в свободном падении в сторону тощей подушки. Отсутствие сновидений качественно отражает проведённый день в учёбе.

Первый раз уснул днём на занятиях в сравнительно тёплом классе. Изучали виды пропусков, паспортов и прочее. Какая бумага, печать, сколько полос на документе — ты всё должен знать назубок. Были такие проверки: сержант ночью подходит к спящему, будит его и спрашивает, допустим, об особенностях министерского пропуска. Курсант, не пробуждаясь после дневных нагрузок, не открывая глаз, отвечает. Это называлось высшим пилотажем.

И я уснул на этом занятии сном праведника. Голова неловко повёрнута в сторону, где лежал взятый из секретной части устав боевой службы. Но побыть в таком состоянии долго не пришлось. Сержант второго отделения Суфиев, татарин с раскосыми глазами, заорал над самым ухом:

— Тихий час себе решил устроить? Подожди, сейчас сон как рукой снимет! — Говоря это, он слегка покачивался на кривых ногах. — Упал и отжался, курсант, двадцать раз! Счёт пошёл!

Согнув руки в локтях, я опустил вниз, крашенный пол приблизился на расстояние носа.

— Слушай команду, — сержант входил в раж, — при счёте раз ты упал на пол, на счёт два отодрал свой зад от него. И ...раз! И ...два! — Досчитав до двадцати, сержант сделал паузу, осмысливая свои дальнейшие действия. — Ладно, на сегодня хватит, но предупреждаю, если кто-нибудь захочет поспать и не усвоить материал, может сразу начинать отжиматься от пола. Команда ясна?

Взвод ему ответил хором:

— Так точно, товарищ сержант!

Вечером в курилке появился Серый, за три недели курса молодого солдата он осунулся, форма нелепо висела на нём. Ноги болтались в кирзовых сапогах, при ходьбе задевали икрами голенище. Он прикурил от моей сигареты и закашлялся:

— Вот напасть какая, простыл немного. Вчера весь день отрабатывали задание «Отделение в атаке», по пояс в снегу гребли, на кой ляд это нужно?

Мы с ним сидели возле заплёванного ведра с водой и нехотя переговаривались.

— Скоро принятие присяги, родичи твои приедут? — спросил он меня.

Я отрицательно помотал головой.

— Ну, мои тоже нет, отец уже написал, на работе не отпускают. Конец месяца, аврал, продукцию гонят. Думаю, ни к чему это — разводить детский сад. Слезы и прочее. Мы давно выросли из коротких штанишек. — Он сделал паузу и выпалил: — Знаешь, я тут надыбал одно место, в кочегарке истопник бражкой приторговывает. Может, заглянем к нему на огонёк после отбоя?

Идея сразу же была отвергнута как особо опасная. Вечером можно было напороться на дежурного, и тогда, считай, попадёшь служить туда, куда Макар телят не гонял, — проблем не оберёшься. Было решено завтра заглянуть к доброму дядюшке-истопнику, местному «бутлегеру». Стиснув руки в крепком рукопожатии, разошлись в разные стороны коридора, и слышно было только, как поскрипывал пол под ногами. После учебки мы попадём служить в разные батальоны и больше не встретимся с ним никогда.

После занятий, когда был сделан перерыв на двадцать минут, мы с ним смотались в кочегарку под предлогом сходить в уборную. Длинная труба её протыкала серое, низкое небо насквозь. Возле неё висел жидкий дымок от сгораемого топлива: сэкономили на угле, и поэтому в казарме было холодно. Открыв дверь и шагнув несколько ступеней вниз, мы оказались возле котла. На топчане, покрытом разным тряпьем, сидел, немного ссутулившись, человек без возраста, которому можно было дать и сорок лет, и шестьдесят. На голову была натянута спортивная шапочка, давно потерявшая свой первоначальный цвет. Армейский бушлат, грязный от сажи, был брошен на плечи, хотя в кочегарке было тепло. Стрельнув в нас глазами из-под кустистых бровей, он призывно махнул рукой, приглашая подойти поближе.

— Деньги принесли? — Из его рта вылетели слова без особой для такого случая дипломатии.

Серый стал шарить руками в кармане шинели, на свет появились мятые рубли. Кочегар

протянул заскорузлую руку, и наши деньги быстро исчезли в его кармане.

— Ждите здесь, я сейчас приду, — со вздохом он оторвался от низкого топчана и пошёл, шаркая ногами, в дальний угол.

Там светила подслеповато лампочка, виднелись сваленные в кучу обрезки металла и бочка с помятыми боками. Спина его шевелилась. Обратно он шествовал с литровой молочной бутылкой молодой бражки.

— Натё, и брысь отсюда, ежели офицеры застукают, ничего не знаю, ничего не видел. Денег от вас не брал. Понятно?

Мы дружно, в знак согласия, закивали головами. Серый спрятал тёплую бутылку под шинель, но она предательски выпирала. Он протянул на прощание руку истопнику, и мы быстро направились в сторону уборной. Возле входа было скользко, мы зашли, осторожно держась за стены. Обильно посыпанные хлорной известью углы заставляли слезиться глаза.

— На, выпей, всё полегче будет, — он протянул бутылку.

Прижав горлышко к губам, я сделал несколько судорожных глотков. Тёплая на вкус, неприятная жидкость, пахнувшая дрожжами, полилась через нос.

— Ну, ты слабак по части выпить, практики не было, что ли?

Он взял бутылку из моих рук и, запрокинув голову, стал вливать в себя эту муть. Затем, нюхнув рукав шинели, бросил в мою сторону:

— Ладно, пойдём, а то потеряют, проблемы будут.

Пустую бутылку с отбитым краем он бросил в отверстие, откуда несло запахом перебродившего человеческого дерьма.

Вечером мы повзводно маршировали и орали простуженными глотками песню «Не плачь, девчонка, пройдут дожди, солдат вернётся, ты только жди». Нашему дрессировщику, сержанту Штоколову, не нравилось, что мы поём не очень ладно. Он командовал: «Взвод, стой!» Мы останавливались, задние курсанты давили, и строй ломался.

— Это взвод или сборище бродячих псов? — кричал сержант и заставлял нас отжиматься о ледяную кромку заднего двора учебного батальона.

Холод проникал через ладони, шёл по руке выше, отжимания не согревали наши молодые тела. После команды «Встать!» мы стояли и отряхивали друг друга от налипшего снега. Коля, большой, угловатый рабочий парень, стряхивая с шинели снег своими красными руками, бурчал:

— Эх, попалось бы это парнокопытное животное мне на гражданке, я бы ему сделал ласточку в полёте! — При этом он сжимал свои ручки так, что хрустели суставы.

В этот момент в холодном воздухе раздалась команда «Взвод, становись!», и через мгновение — «Запе-вай!». Мы, пытаясь идти ровно в шаг, запели сказку о том, что любимая девчонка будет обязательно ждать, где-то там, далеко, после тёплых проливных дождей.

Район, где располагалась учебка, был особенный. В годы Великой Отечественной войны там шли тяжёлые, кровопролитные бои с немцами армии «Север», которые рвались к Ленинграду, и так обложенному со всех сторон. О боях напоминали братские могилы. Они были по обе стороны дороги, по которой мы шагали на стрельбище, километрах в трёх от батальона. Чеканя строевой шаг, мы отдавали честь погибшим солдатам, лежавшим в болотистой земле. Потом, когда я служил в пятом батальоне, в самом Ленинграде, мы ездили на Вороньи горы, сверху под нами город был виден как на ладони. Немцы ставили туда снятые с кораблей орудия большого калибра и методично обстреливали город.

Стреляли мы часто, два раза в неделю. До стрельбища, а это примерно около трех километров, вышагивали строевым по снежному месиву. Само стрельбище было окружено лесом. При подходе слышались короткие автоматные очереди.

Первый взвод уже отстрелялся и был занят чисткой оружия. Всем холодно, шинели совсем не согревают, разрешили отпустить у шапки уши. До нас очередь ещё не дошла, и мы бегаем по лесной просеке с полной боевой амуницией. Сразу становится тепло. Справедливы древние философы, утверждавшие, что движение есть жизнь.

Автомат Калашникова — самое лучшее стрел-

ковое оружие. Это догма. Но мой автомат оказался непристрелянным, и не раз приходилось бежать до расположения батальона навьюченным боеприпасом и стреляными гильзами.

Обратно со стрельбища мы возвращались, как правило, бегом, тяжело дыша в противогазы. Предварительно сержант, построив нас, проходил вдоль строя и проверял, чтобы умные курсанты не сняли клапаны у противогаза. Дальше действие проходило по сценарию, написанному без нашего согласия. Молодые солдаты бежали по рыхлому снегу, где до них уже пробежали две роты отчаянных ребят.

Сначала слышишь собственное дыхание, потом мозг перестаёт понимать происходящее и временно отключается. Тяжёлый вещмешок, набитый патронами, тянет назад, автомат болтается и норовит улететь в снег. В замутнённых стёклах противогаза видишь только пятки сапог впереди бегущего стрелка. Сержанты с радостными улыбками стоят на дороге. Пробегая мимо них, делаешь короткую остановку для того, чтобы они могли проверить, как сидит маска на твоём лице.

Перед выпуском были сначала дневные стрельбы, а затем ночные, и небо светилось выпущенными трассерами. Уже на стрельбище я подошёл к старлею, командиру роты Лежнину, который стоял возле сосны и курил, пряча лицо в поднятый воротник шинели.

— Товарищ старший лейтенант, — промямлил я замёрзшими губами.

Лежнин отреагировал вяло, можно было определить, что он с тяжёлого похмелья.

— Ну, что случилось? — В его голосе послышались нотки раздражения. Рукой в перчатке он прикрыл рот, давая понять, что ему скучно.

— Автомат плохо пристрелян, — еле выговорил я: мои губы слиплись от холода.

— Так, и что ты хочешь этим сказать? — вроде поменяв голос, с интересом спросил он.

— Да автомат бьёт вверх и вправо, — настаивал я на своём.

Он посмотрел на меня своими голубыми глазами, затем потёр мочку уха:

— Сделаем так. Пойди в третье отделение. От моего имени возьми автомат того, кто хорошо отстрелялся. Но договоримся: если плохо отстреляешься, пеняй на себя. Понял?

Идея мне понравилась, и я отправился на поиски третьего отделения. Я нашёл их возле небольшого костерка. Солдаты стояли, плотно обступив его, и протягивали красные руки ближе к слабому огоньку. Автоматы были привалены к тонкому стволу сосны, возле которой топтался солдат, изредка прихлопывая руками. Командир отделения, полноватый, со следами оспинок на лице, стоял в середине и жестикулировал руками:

— Ну, я точно домой, к себе в деревню, не вернусь! Что я там не видел? Тоска зелёная и больше ничего! Останусь в Ленинграде, пойду на завод, дадут общагу, и все дела. А вы тут с глупыми вопросами, чем я буду заниматься после дембеля. Он точно наступит совсем скоро.

Увидев меня, сержант отошёл от костра, от него пахло дымом.

— Товарищ сержант, командир роты приказал дать мне автомат.

— Так, — крикнул сержант, выпустив клубочек пара. — А записку с тобой не отправил?

— Никак нет.

— Ну, хорошо. Отстреляешься, потом сам автомат почистишь. Если согласен, тогда бери. Вотинов, — позвал он рябоватого солдата, который быстро возник перед нами, — передай автомат на временное пользование, потом вернут.

Тот не спеша пошёл к сосне.

— Ты чего мёртвым ходишь? Сказали тебе дать автомат, и нечего тут думать! — подогнал Вотинова окрик сержанта.

В день стрельбищ было холодно, ветер продувал простывшие тонкоствольные сосенки и свободно гулял по полю. Вырвавшись на волю, ветер пригибал верхушки деревьев, они постанывали, сверху сыпался снег, ложась небольшими сугробами. Построенный взвод, переминаясь и ёжась от холода, подждал меня. Тогда мне объявили первую благодарность за хорошую стрельбу. Я был единственным, кто смог поразить все цели.

В день принятия присяги на плац поставили трибуну, от неё на ближайшее дерево протянули провод к алюминиевому громкоговорителю. Батальон, построенный для торжественного случая, стоял вольно и уже около часа подждал больших начальников с команди-

ром бригады, генерал-майором. Две машины медленно проехали через ворота и остановились. Командир батальона майор Старшинов сразу подтянулся и, чеканя шаг, будто хотел вдолбить сапоги в плац, зашагал к генералу. Тот стоял возле машины, чёрной «Волги», поправляя папаху. Майор встал перед ним как вкопанный, докладывая. Только кисть правой руки его немного подрагивала от напряжения. Справа от трибуны разбирали свой инструмент музыканты, слева стояла небольшая кучка родственников, приехавших на принятие присяги.

Я дрожащим от волнения голосом читал текст присяги, который в тот момент совсем вылетел из головы. Приходилось глазами искать строчки, чтобы не сбиться.

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, ... вступая в ряды, ... торжественно клянусь... — от напряжения я не слышал собственного голоса, мне казалось, что меня не слышат, и стал читать ещё громче.

Текст присяги был помещён в красные корочки, я держал их в левой руке, и крупные буквы текста хаотично прыгали перед глазами. Правой рукой был зажат железной хваткой автомат, так что костяшки пальцев побелели. Бросив взгляд на трибуну, я увидел генерала в окружении офицеров. Лица у всех были торжественно напряжены, руки опущены по швам. Стая птиц, тяжело взмахивая крыльями, пролетела над их головами. Штабной майор, стоящий позади генерала, задрал голову, провожая их взглядом.

— К торжественному маршу, поротно, в колонну по четыре... — раздаётся команда из громкоговорителя, и мы узнаём голос своего комбата, — первая рота прямо, остальные направо, шагом марш!

Звуки инструментальной меди разорвали воздух и заполнили всё пространство. Вороны, густо облепившие росший в конце плаца старый и корявый, с болезненными наростами, тополь, разом взлетели и, недовольно крича что-то на своём вороньем языке, полетели в сторону кочегарки, где стояли ящики с отходами пищеблока. Под бравурный марш «Прощание славянки», вбивая ноги в асфальт, мы торжественно промаршировали перед трибуной.

На ужин по такому случаю дали по яблоку и паре пряников. После ужина подошёл Серый и растянул рот в улыбке:

— Ты чего так орал, думал, тебя генерал не слышал? Да он и так на тебя смотрел во все глаза, ему такой, как ты, зятьёк нужен. Генеральская девка его уже давно на выданье, вот и увезёшь к себе на Урал.

— Да ладно подкалывать, — отшутился я, — и так на душе тошно.

Серый двинулся за угол казармы, там меньше продувал ветер. В его глазах мелькнул огонёк интереса, с уголков губ соскользнула насмешливая улыбка:

— А что случилось? Неприятности? Дак это мелочь, без них жизнь наша была бы скучна.

— Да, особо не стоит расстраиваться, — ответил я и пересказал содержание письма, полученного сегодня до обеда.

Танька Егоршина писала, что она горько переживает разлуку. Ночью ей снилось, будто мы с ней ходили гулять по набережной Камы. Письмо я носил весь день в кармане, оно немного помялось, но хорошо был виден её красивый почерк.

Темнота окутала своим одеянием всё вокруг, даже деревьев не было видно. Казарма стояла с потушенными огнями, света ни в одном окне не было. Снег падал из темноты крупно, ватными хлопьями. За забором проехала машина. На прощание она мигнула красными огоньками. Возле уборной на ветру покачивался фонарь, выхватывая из тьмы небольшой кружок рыжеватого света. От одиночества он на ветру поскрипывал.

Серый отошёл подальше от дверей туалета и растёгивал ширинку. Достав письмо из кармана, я напоследок пробежал по нему глазами, разорвал на несколько частей и бросил в отверстие в полу. Ветром, дующим снизу, принесло обратно несколько обрывков из гражданской жизни.

На следующий день приехали «покупатели», они засели в штабе батальона и тщательно знакомились с личными делами. Неизвестность и ожидание лихорадочно охватило нас, все ждали распределения по батальонам.

По нашим представлениям, неплохо было бы служить в роте сопровождения, она распо-

лагалась в пригороде Ленинграда, в небольшом деревянном одноэтажном особняке ещё дореволюционной постройки. Служба здесь заключалась в том, что рота сопровождала грузы военного назначения в разные уголки страны. Командир роты капитан Селезнёв стоял на улице и задумчиво курил. Прервав его размышления, я обратился к нему по уставу и, немного запинаясь от волнения, попросился к нему в роту. Он посмотрел на меня внимательно и спросил суховатым голосом заядлого курильщика:

— Как фамилия? Подожди, сейчас узнаю, куда тебя направили. — Он бросил сигарету в урну и зашёл в штаб батальона.

Дверь за ним с шумом захлопнулась, и я остался наедине со своими мыслями, роившимися в голове. Вскоре он появился на пороге и отрицательно помотал головой:

— Нет, не могу взять, ты же водитель, и отписали тебя в пятый батальон.

Это была мечта многих солдат, так как вся бригада была раскидана по Ленинградской области и только пятый батальон МВД находился в самом городе, как раз напротив центральной проходной Кировского завода. Сразу не догадаешься, что за деревянным забором располагалась военная часть. Невысокие чахлые кусты акации сиротливо тянулись вдоль забора, который не был особым препятствием для солдат-самовольщиков. Одноэтажное, выкрашенное в жёлтый цвет здание пряталось среди многоэтажек. Боксы для машин задней глухой стеной примыкали к зданию автомастерской, там была уже другая жизнь, гражданская. Напротив контрольно-пропускного пункта, вплотную подступив к самим воротам, глядел окнами райотдел милиции. Если немного пройти направо, то можно было увидеть широкую ленту Кировского проспекта, откуда доносились звуки большого города.

В тот день казалось, будто небо падает сверху, оно было так близко, что висело на телевизионных антеннах. Дома, серые в дымке тумана, одиноко очерчивались своими линиями. За забором, в здании районной милиции, слышались звуки машин, лай привязанной собаки. Машины взвизгивали стартёром и отъезжали,

вскоре подъезжали другие. Батальон внутренних войск жил нервным ожиданием.

Два дня назад произошло ЧП в одной части Ленинградской области. Начальник караула старший сержант расстрелял часть личного состава и, прихватив автомат и несколько рожков с патронами, скрылся в лесу. Искали два дня, нашли в реденьком подлеске спрятавшимся в старом доте.

Старший сержант Николай Гнездилов заступил начгаром на объекте, где хранилась законсервированная военная техника. Сменив посты, он зашёл в караульное помещение с зарешёченными окнами и направился в комнату отдыха, где спали солдаты, отстоявшие ночь на постах. Тёмная комната была погружена в сон, спали первогодки, натянув на головы одеяла. Постоял немного на пороге и пошёл в ленкомнату.

— Коля, как дела, письма из дома получаешь? — спросил его младший сержант Дробинин, высокий, худой, с ранними залысынами на голове.

Гнездилов был с ним одного призыва, и через три месяца они собирались домой. Гнездилов прошёл мимо, не реагируя на вопрос. Дробинин было немо потянулся за ним, но потом передумал и вышел покурить. В небольшой беседке сидел рядовой Стрельцов, рыхловатый, с небольшими следами оспинок на полном лице. Лицо его излучало радость.

— Чему радуешься, Стрелец? — Дробинин шагнул в беседку.

— Скоро на пост, вот этому и радуюсь.

Дробинин молча закурил.

— Нашёл чему радоваться, будешь торчать под грибком и ходить по периметру.

— Не уверен, что буду скучать, тут одна девица из соседней деревни настроилась ходить ко мне.

— А кто это? — спросил Дробинин и блеснул глазами.

— Верка Полищук.

Дробинин ухмыльнулся.

— Знаю, знаю, она и ко мне на пост хаживала, неплохая девка, горячая, смотри, Стрелец, не обожгись.

Сверху закапал мелкий дождь. Верховой ветер раскачивал верхушки деревьев, они тяжело

вздыхали и скрипели по-стариковски. Краски вокруг сразу потускнели, и стало заметно темнее. Из беседки виднелась серая извилистая дорога, она петляла среди невысоких холмов. За ней тянулось бескрайнее поле с пожухлой травой, дальше оно сливалось с горизонтом.

— Тоска зелёная, только что видел Гнездо, хмурый весь, как тень, пошёл в ленкомнату. — Вопросительно посмотрел Дробинин на своего напарника.

— Хрен его знает, видимо, находит на него, он уже второй день себе места не найдёт, всё что-то ходит, думает. Может, письмо получил из дома? — высказал своё предположение Стрельцов.

Из караульного помещения к ним шёл Николай Гнездилов тяжёлой походкой уставшего человека. Невысокий, жилистый, с короткими ногами. Лицо бледное, губы крепко сжаты тонкой линией. Верхняя губа посинела и немного подрагивала.

— Курим, братья славяне, — он недоговорил, запнулся ногой о нижнюю ступень. — Вот какая напасть, левой ногой запнулся, — раздражённый, смахнул невидимую пылинку и присел на скамью.

— Гнездо, ты чего, веришь в приметы? — Стрельцов лениво, словно нехотя, поинтересовался.

— Сегодня день смурной, то одно, то другое, с утра капитан Сорокин мозги парил, проверил патроны, а на некоторых на капсуле насечка. Вот он и хай поднял до небес. «Часовые чем у тебя занимаются на постах?» Оказывается, если патрон в патронник загнать, то на нём остаётся небольшая насечка. Второе, видел в щели забора, что некая девица ходит возле военного объекта. Платье-то на ней в горошек. Случаем, Стрельцов, она не к тебе на свиданье пришла?

Стрельцов на лице пошёл пятнами, сначала белыми. Потом весь залился краской.

— Нет, не ко мне, да вообще-то мало кто из посторонних ходит возле забора.

В воздухе запахло грозой. Старший сержант закинул ногу на ногу и, покачивая ею, усмехнулся, кривя губами:

— Мы-то знаем, Стрельцов, что это за дамочка тут шныряет, ещё дембеля её распечатыва-

ли, она всё замуж просится, да никто не берёт. Такого добра навалом на всех вокзалах.

Он сделал паузу и посмотрел на того, кому обращались слова. Стрельцова сначала обдал жар, словно пахнуло из открытой печи, потом его облили холодной водой.

— Ну, ты, Гнездо, не много на себя берёшь? — Он смотрел на него с открытой злобой.

— Не надо из себя тут пай-мальчика строить, эта девица, если сказать откровенно, потаскуха, — ослабилась он, — и заруби себе на носу, иначе напросится к тебе домой невестой, ты же у нас мальчик из воспитанной семьи.

Неведомая сила подняла Стрельцова на ноги, и он подскочил к старшему сержанту.

— Повтори сейчас же слова или извинись, подонок. — Голос от негодования срывался, и казалось, что сейчас он раскричится.

— Вот и повторю: эта девчонка — дрянь, — он что-то ещё хотел сказать, но, сбитый с ног ударом кулака, лежал на полу.

— Ты, негодяй, не понял, наверное, на кого руку поднял, на своего командира. — У него на короткой и сильной шее напряглись вены.

По веранде катался клубок из тел. Стрельцов с обезумевшими глазами со всей силой колотил руками по голове Гнездилова, тот не уворачивался от них, только сильно вжал её. Лицо старшего сержанта постепенно превращалось в красную маску. Из носа текла красная полоска крови, которая размазывалась по всему лицу.

— Это тебе за девицу, это тебе за дрянь. Сво- лочь, я тебя с самой учебки недолюбиваю, ли- зал одно место командирам.

Дробинин с мстительным удовольствием следил за дракой, сам он драться не умел, да и побаивался. Всё же решил разнять драчунов, вцепился одной рукой за волосы, другой — за воротник гимнастёрки Стрельцова, с силой потянул его от Гнездилова.

— Хорош вам, нашли из-за чего драться, скоро гражданка, девок всем хватит.

Гнездилов медленно поднимался с пола, ему протянул руку Дробинин, но он зло оттолкнул её в сторону.

— Не надо, сам встану, ну, а ты, мышь серая, смотри у меня, попляшешь ещё.

Гнездилов после драки выглядел подавлен-

но, он повернулся и пошёл в сторону карауль- ного помещения.

— На чёрта ты с ним связался, он сейчас про- ходу тебе не даст. Приедем в часть, комбат по- том всех нас на кулак наматает, — угрюмо ска- зал Дробинин.

— На Бога надейся, сам не плошай, перебе- сится и сам ещё придёт извиняться.

— У него не дождёшься, вперёд захлебнётся от своей злобы, — буркнул в ответ Дробинин.

Гнездилов зашёл в оружейную комнату и вытащил из пирамиды автомат Калашникова. Набил патронами полностью три магазина и вышел, закрыв её на ключ. В тёмной комнате отдыха под потолком скудно светила подсле- поватая лампочка. Двухъярусные кровати сто- яли вдоль стен и примыкали к зарешеченному большому окну. Гнездилов стоял на пороге и держал в левой руке автомат, другой потянул- ся по стене к выключателю. Яркий свет разо- гнал темноту, коротко остриженный солдат открыл глаза и немо смотрел на старшего сер- жанта, ничего не понимая. В тишине зловеще щёлкнул затвор, загоняя патрон. Солдат с ши- роко открытыми глазами присел на край пос- тели, не сводя взора с чёрной точки ствола. Маленький, узкогрудый, с торчащими ключи- цами, он был похож на мальчика-подростка. Лицо сразу побледнело и осунулось, он стал казаться старше своих лет. Руки дрожали, и он безотчётливо мял край подушки. Видя, что старший сержант держал автомат на уровне его головы, он встал и пошёл босиком ему навстречу, вытягивая руки вперёд, словно хо- тел защититься. У Гнездилова внутри закипа- ла лютая и необъяснимая злоба на всех.

— Какое их дело до меня, до того, что у меня в душе творится. Ненавижу.

Из ствола автомата выплеснулась огненная струя, которая смела молодого солдата. Он упал назад, в глазах, подёрнутых поволокой, ещё теплилась жизнь, словно всё ещё безмоль- но прося сержанта не стрелять в него. Солдат лежал с широко раскинутыми ногами. Тонкие ступни больших ног подрагивали, он напоследок конвульсивно дёрнулся несколько раз и успокоился.

— Всем встать! — задыхался Гнездилов и во- дил автоматом по солдатам, вскочившим с

кроватей. Четыре пары испуганных глаз смотрели на начальника караула с непониманием.

— Построиться в одну шеренгу, — рукой провёл невидимую линию. — Вот здесь, — утвердительно провёл стволом, разделяя комнату на две части.

Оглухнув от стрельбы и собственного крика, он смотрел, как идут солдаты. Первый шёл, шаркая ногами по полу, синие трусы с белой надписью номера воинской части доставали до острых колен.

— Давай шевелись, не проснулись, что ли! Сейчас буду говорить, что такое человеческое достоинство и как его нужно беречь.

Тени приближались к нему, и казалось, что, если они не будут идти быстрее, он снова нажмёт на курок. Солдат, который шёл последним, испуганно закричал громко на выдохе посиневшими губами: «А-а-а!» и побежал обратно. Руками рванул на себя створки окна, стекло сломалось и острыми осколками рассекло ему лицо. Он вцепился в решётку, дергая её что есть силы. Рубаха на руках сползла, оголяя худые руки с голубыми ниточками вен. Автомат Гнездилова выплеснул из себя огонь, и пули прошили солдата насквозь, разорвав на спине нательную рубаху и оставляя на ней красные пятна. Солдат сразу обмяк всем телом, медленно сползая, повис на руках, вцепившись в решётку. Коленями упёрся в пол, так и остался стоять с высоко поднятыми руками, словно просил у Бога избавления от мук.

Дробинин услышал выстрелы, находясь в парке хранения машин. Бросил откручивать колёсную гайку, побежал в караульное помещение, до которого было около полукилометра. На углу остановился отдышаться и перевести дух. Обежал одноэтажное кирпичное здание с другой стороны, которая примыкала к деревянному забору. Он оказался в тесном коридорчике, из которого была видна широкая спина старшего сержанта Гнездилова. Ремень автомата был перекинут через плечо, как для стрельбы стоя. В дверном проёме виднелась босая нога лежащего на полу солдата. Гнездилов что-то кричал, но до Дробинина не доходило, его мозг пульсировал, и кровь молоточками колотила в висках.

— Гнездо, ты чего стреляешь? — окрикнул его

Дробинин, и слова с трудом складывались в пересохшем рту.

Гнездилов, как показалось ему, медленно поворачивался к нему телом. Дробинин увидел, как ствол автомата разворачивался вместе с телодвижениями Гнездилова.

— А, это ты, дружок, ну, проходи сюда, может, и мы с тобой потолкуем. — В голосе угадывались зловещие нотки. — Стрелец-то где, что же ты один пришёл и Стрельца с собой не прихватил, а жаль, губу-то мне он разбил до крови.

— Сейчас схожу, поищу его на территории, если тебе так надо. — Дробинин разом повернулся спиной и, согнувшись телом, побежал к спасительному для него выходу. Он светлел впереди в пяти метрах. Пули, норовя его задеть, пролетели злыми шмелями рядом, чиркнув по стене, обдав лицо известковой пылью.

Со стороны ворот в сторону караульного помещения бежали трое милиционеров с автоматами. Часовой широко распахивал ворота, за которыми стояла машина с проблесковым маячком на кабине. Воздух разрезало повизгивание сирены. Вороны, сидевшие на верхушках деревьев, встревоженно взлетели и, каркая, летали по кругу над караулкой. Ветер сердито шумел, запутавшись в соснах, и приносил жёлтые иголки, они падали в лужи, в которых отражалось угрюмое небо.

Построенный взвод внутренних войск томился в нервном ожидании своего командира лейтенанта Кошелёва, который с начальником штаба батальона майором Князевым что-то согласовывали с вышестоящим начальством. Прошло уже около получаса, а их командиров всё не было. Начальника караула сержанта Гнездилова искали трое суток и нашли возле небольшого рабочего посёлка в реденьком леске. Обложенный милицией со всех сторон, он, не желая сдаваться, с остервенением отстреливался из землянки, вырытой ещё летом местными ребятами.

Взвод снарядили для его задержания. Сверху сыпался мелкий и нудный дождичек, он оседлал всё вокруг, казарма сделалась серой и потеряла свою угловатость. Туманом затянуло все окрестности, очертания домов исчезли, но

чувствовалась их давящая серая масса, казалось, что в мире ничего нет: ни звёзд, ни облаков, только низкие тучи и сырость. Шинели намокли и висели на плечах тяжёлым грузом. С проспекта из-за тумана доносились разногласные автомобильные гудки. Собака Лайма немного поскуливала и вертела мордой, пытаясь зубами достать кожаный поводок. Ей не нравился ни туман с противным дождём, ни ночная сегодняшняя служба. Ей не хотелось в сухой питомник, она привыкла подчиняться командам Николая. Вместе они уже полтора года, и скоро им придётся расстаться, хозяин поедет к себе домой, в Киров, ей же нужно дальше нести службу. Вчера непогода совсем разгулялась, ветер кидал опавшие листья в окно, пугающе завывал в трубе. Некоторые собаки подвывали, тёрлись лбами о прутья клеток, но Лайма лежала тихо в углу, куда не дотягивался отсвет потолочной лампы, только изредка открывая глаз, когда брякала наружная щёлка. Лайма своим чутьём угадывала, что скоро хозяин возьмёт её на службу, хотя ночью собака брали нечасто.

Неделю назад они шли по городской улице с хозяином и ещё одним солдатом. Свет падал из окон и желтел на дороге. Лайма на поводке привычно шла слева от хозяина, из-за угла появилась и шла им навстречу компания подвыпивших мужиков, запах свежего перегара и лука она уловила издали. Шерсть на спине вздыбилась, и она рывком потянула вперёд, натягивая поводок.

— Куда, куда, иди ко мне! — Команда хозяина остановила её. Компания приближалась, Лайма оскалилась и зарычала, роняя слюну. Неряшливый, в белом плаще и в помятой кепке мужичок потянулся рукой, пытаясь погладить собаку.

— У, какой пёсик, наверное, Мухтаром кличут.

Противная и пахучая рука находилась возле морды собаки, запах раздражал, ей показалось, что этот пьяный представляет угрозу для её хозяина, и она без рыка сильно прихватила зубами руку выше кисти. Мужик взвился телом и от боли заплясал на месте.

Хозяин пришёл раньше всех, только проклянулся молодой месяц, и принёс большой

мятый котелок варёва. Лайма при виде хозяина радостно закружилась по клетке, слегка повизгивая, потом вытянула передние лапы и потянулась.

— Ешь, вот принёс тебе, скоро на службу.

Лайма с любовью посмотрела на своего хозяина и только тогда пошла к своей миске, стала осторожно хватать зубами небольшие кости, не жадничая и не торопясь. Хозяин присел рядом на корточки, смотрел, как собака ест. Закурил, разгоняя рукой табачный дым, который упрямо лез и щипал глаза. Вчера письмоносец принёс весточку из дома. Мать писала, что всё хорошо, урожай уродился на славу. Картошки накопили восемьдесят вёдер, на зиму хватит. Капусту пока не рубили, стоит налитая, ждёт мороза, чтобы её тесаком подрубить. Только её немного расстраивает Сёмка, это младший брат Смагина. Двойки стал приносить из школы, а учебный год только начался. «Напиши, сынок, ему письмецо, может, и исправится, будет слушать классную учительницу Зинаиду Петровну, а так может отбиться совсем от рук. Меня, нехристь, ни во что не ставит. Ой, боюсь, сынок, как бы дурного с ним не случилось. Придёт, окаянный, со школы, кусок хлеба схватит и на улицу до позднего вечера».

Лайма носом несколько раз ткнула в пустую миску.

— Ладно, вот сейчас с тобой в батальон поедем, в город.

Лайма радостно вильнула хвостом, давая понять, что она с удовольствием будет делать то, что ей хозяин прикажет. В ошейник втянула морду, прижав уши, и благодарно отозвалась на прикосновения его рук. Когда вышли во двор, она смело пошла по воде, серой и холодной.

Ефрейтор Николай Смагин в стальной каске, с торчащим острым носом, на кончике которого висела капелька дождя, успокаивал собаку.

— Подожди немного, ждём лейтенанта Кошелёва, что-то он задерживается. Сиди, егоза, — он погладил её по морде, собака благодарно лизнула его в ладонь своим тёплым языком.

Ефрейтор всегда разговаривал с собакой, предполагая, что она его понимает. Снайпер Серёга Жаворонков, высокий ладный парень

с васильковыми глазами, приставил винтовку СВД к ноге и потирал руки.

— Ну и погода, пока стоим, все промокнем, потом если придётся лежать в укрытии... — недовольно поджал губы.

— Ладно, Серый, пока едем, может, всё и закончится, а этот сержант — настоящая сволочь, своих в карауле расстрелял.

Рядовой Чернышов нервно передёрнул плечами.

— На хрена он это сделал, пацанам жить, что ли, не хотелось?!

— Разговорчики в строю, — оборвал их сердитый голос замкомандира взвода старшего сержанта Ниточкина.

Дверь хлопнула, выпуская лейтенанта Кошелёва, он шёл какое-то время невидимый в темноте, пока не вышел на пяточок, освещённый рассеивающим светом прожектора. Скользнул по взводу серыми и отчуждёнными глазами.

— Смирно, слушай мою команду! — Рука, приложенная к фуражке, немного подрагивала. Голос звучал строго, он господствовал над всеми. Вся его напряжённая фигура подалась немного вперёд, лейтенант, затянутый ремнями португеей, казался в тумане монолитной фигурой. — Взвод совместно с милицейским подразделением выезжает на задержание дезертира, совершившего преступление. По месту прибытия рассредоточиться на расстоянии видимости, в случае угрозы жизни приказываю применить оружие на поражение.

Лица солдат посуровели и казались бледными в слабых лучах прожектора, который выхватывал их из пелены тумана. За забором послышался шум подъехавшей машины. Лейтенант ещё раз посмотрел на застывшие лица солдат, зачем-то поправил ремень и коротко бросил команду:

— В машину!

Собака Лайма, радостно повизгивая, тянула вперёд, к машине, стоящей возле казармы, ей хотелось скорее запрыгнуть в кузов и лечь под лавку. Дождь усиливался, и крупные капли пузырились в большой луже возле ворот. Часовой в длинном плаще с капюшоном торопливо распахивал ворота настежь. Автомат, закинутый за спину стволом вниз, придерживал

локтем, чтобы не сполз с плеча. Машина медленно выехала на широкий проспект, где возле обочины стояло несколько машин и бронетранспортёр. Вооружённые солдаты небольшими кучками стояли возле машин. Всё пришло в движение, суетливо подталкивая друг друга, солдаты стали залезать в машины. Колонна медленно втягивалась в белый туман, чтобы раствориться в нём и возникнуть только далеко за городом.

С того времени прошла череда различных исторических событий. Жили в одной стране, утром проснулись уже в другой.

Людские судьбы сложились по-разному, кому как звёзды в детстве предсказали.

Вовка Крылов окончил московский институт и направился в Северодвинск, где и поныне живёт. Мы с ним видимся, но не часто. Когда он приезжает, мы собираемся у нас во дворе за столиком, наливаем в посуду что есть выпить и, вспоминая себя, своих родителей, чокаемся, неподдельно радостные, что мы снова вместе. Потом дом снесли, вместо него вырос новый кирпичный дом, но всё равно, когда бываешь во дворе, в глубине души ощущаешь незабываемые краски детства.

Славка Шеломенцев окончил горьковский институт и работает у нас в городе. Рыбалку не бросил, кажется, ещё больше увлечён ею.

Витька Японец погиб, упала укосина от лесовоза на голову.

Колька Смагин после армии вернулся домой в свою деревеньку, женился, иногда достаёт фотографии и смотрит на собаку Лайму, когда выпьет, ловит губами солёные слёзы.

Служебная собака Лайма тосковала, неделю пищу не принимала из чужих рук. По ночам тихо подвывала, всё ждала своего хозяина Кольку, потом привыкла к новому. Она своим собачьим умом понимала, что находится на службе. При задержании преступника зимой она мордой буравила глубокий снег, выпавший за ночь. Подорвалась на самодельном взрывном устройстве, ей посекло всю морду, вытек правый глаз, крупный осколок разорвал сухожилие лапы. Её, оглушённую, солдаты несли на шинели по глубокому снегу по очереди, понимали, что она спасла кого-то из них.

Ходили слухи, что Лайму хотели представить к награде. Наградой оказались несколько банок тушёнки, принесённых со склада её хозяином. Со службы списали, но оставили в питомнике, на подрастающий молодняк она смотрела, повернув морду, одним глазом и изредка рычала, если видела, что они плохо слушают команды.

Снайпер Сергей Жаворонков приехал домой, побродил по улочкам небольшого городка с крутыми спусками к реке и вскоре подписал контракт на сверхсрочную. Мотался везде по горячим точкам распадающегося по всем швам Союза. В должности командира взвода разводил в Карабахе пьяных в своей ярости людей по разные стороны земельной межи. Внутренние войска, вцепившись руками друг за друга, стояли стеной между людьми, которые веками жили в мире и согласии, но кому-то надо было бросить спичку расовой ненависти. И загорелось так, что красные всполохи были видны на кирпичных стенах Кремля. Прапорщик Жаворонков с пустой кобурой был в центре разъярённой толпы и подставил свою грудь под пулю, посланную совсем по другому адресу.

Лейтенант Кошелёв дослужился до командира полка оперативного назначения, затем уволился. Купил себе домик в небольшой деревушке, домов так двадцать, и по утрам пьёт парное молоко. В День Победы надевает ки-

тель с орденами и выходит на улицу постоять возле палисадника, густо заросшего сиренью. Он смотрит на отливающее ситцем небо, на недалёкий лес, стоящий плотной стеной, на мальчишек, которые сбегаются поглазеть на него, и в груди теплится огонёк, что это его родное и неделимое.

□

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ

родился в 1955 г. в Душанбе.

Прозаик.

Автор ряда книг, в числе которых «Атомные солдаты» (2000),

«Чернобыльские рассказы» (2002), «Перевернутое небо» (2005),

«Амбивалентность чувств» (2006),

«Белый теплоход, тёмная вода» (2007),

«Горький вермут 86-го года» (2009), «Перекрёсток судеб» (2011).

Публиковался в журналах «Луч», «Италмас», «Человек».

Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Живет в г. Чайковский (Пермский край).

В журнале «Север» публикуется впервые.

